

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

НОЧЬ
ВСЕХ СВЯТЫХ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ
НОЧЬ ВСЕХ СВЯТЫХ

«ЭКСМО»

2011

Леонтьев А. В.

Ночь всех святых / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52670-3

Услуги Андре стоили дорого, но он мог выполнить любой заказ. Даже выкрасть из секретного отдела библиотеки Ватикана некую Черную библию... Он доставил книгу клиенту, но с ужасом убедился: его хотят принести в жертву зловещему фолианту... Светлана осталась довольна – они доказали невиновность Егора Верещагина в жестоких убийствах. Но случайно подслушанный разговор ее шефа, адвоката Юргенса, с незнакомцем очень удивил девушку: они радовались, как ловко Егор ушел от ответственности! Светлана стала следить за Юргенсом и вскоре оказалась на тайном собрании людей в черном. Все они поклонялись странной черной книге! Незваную гостью быстро вычислили, и с тех пор жизнь Светланы превратилась в ад. Пока она не встретила мужчину, который решил во что бы то ни стало найти и уничтожить дьявольскую книгу...

ISBN 978-5-699-52670-3

© Леонтьев А. В., 2011

© Эксмо, 2011

Антон Валерьевич Леонтьев

Ночь всех святых

*«Кто в книгу эту заглянуть дерзнет,
Того Крылатый Ужас унесет...»*

*Г.К. Честертон. «Проклятая книга». Перевод с
англ. Н. Трауберг*

Германия, 1945–1946 годы

Столь близко Ганс видел фюрера впервые. Конечно, как и все немцы, он и ранее лицезрел великого вождя немецкого народа на фотографиях в газетах и в кинотеатрах, в выпусках новостей.

Ганс не сомневался в том, что фюрер – высокий, подтянутый, спортивный мужчина, который еще несколько лет назад вел Германию от одной победы к другой. Но потом что-то не заладилось, и рейх стал терпеть поражения. А все эти треклятые русские! Не надо было с ними связываться!

Когда Ганс узнал, что на берлинском вокзале, где шли судорожные приготовления к отправке таинственного бронепоезда, появится сам фюрер, он испытал почти мистический страх и трепет. Будет что рассказать родителям и Кларе, своей невесте! И тем горше было его разочарование, когда наконец, с большим опозданием, на платформе появился фюрер в сопровождении высокопоставленных офицеров.

Ганс, вытянувшись во фронт, замер, чувствуя, что сердце колотится сильно-сильно. Вначале он даже не сообразил, что видит именно великого вождя. Согбенный субъект походил на кого угодно, только не на Адольфа Гитлера. Да, в прошлом году фюреру исполнилось пятьдесят пять. Но разве это возраст для мужчины? Тем более для великого вождя! А субъект, шаркая ногами и трясая головой, увенчанной немного кособоко сидевшей фуражкой, выглядел лет на семьдесят с лишком – старик стариком. Ганс даже чуть поморщился, подумав, что дедок случайно затесался в свиту фюрера. И только заметив, с каким почтением взирают на него окружающие, понял: перед ним действительно Гитлер.

Ганс большим усилием воли сдержал вздох разочарования. Неужели это и есть великий вождь? Вот этот сгорбленный бледный старец с искаженным лицом, заведенными за спину трясушимися руками, облаченный в какую-то потрепанную шинель? И тем не менее, да, по вокзалу шествовал великий вождь немецкого народа, рейхсканцлер и рейхспрезидент Адольф Гитлер.

Фюрер двигался медленно, по-черепаши, и было очень хорошо слышно, как он шаркает сапогами по платформе. Ганс, не отрывая взгляда, следил за ним. Неужто поражения последних месяцев сыграли с Гитлером злую шутку? Но как же такая развалина может управлять рейхом? Разве генералы, сопровождающие его, не видят того же, что и он, Ганс?

Похоже, что нет, многие взирали на фюрера с неподдельным обожанием. Вот только рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, одетый, как всегда, с иголки и даже шеголеват, поглядывал на Гитлера, как показалось Гансу, с сожалением и даже некоторым презрением. Впрочем, возможно, это всего-навсего игра теней – ведь герр Гиммлер являлся правой рукой фюрера и не должен был испытывать подобных чувств.

Кстати, о правой руке. Фюрер подошел к напарнику Ганса, Олафу, стоявшему напротив, вытянул вперед руку – и Ганс заметил, что та ужасно дрожит. Прямо как у дяди Рихарда,

старшего брата матери Ганса, горького пьяницы. Неужели фюрер тоже любит закладывать за воротник?

Послышалось невнятное, глухое бубнение. Голос Гитлера так разительно отличался от голоса, который когда-то денно и нощно лился из радиоприемников! Потом обращений фюрера к народу стало все меньше и меньше, а в последние годы их вообще не транслировали! Теперь все чаще и чаще, заходясь в экстазе и описывая учиненные русскими и американцами ужасы, выступал доктор Геббельс. А вот фюрер молчал...

Ганс не расслышал, что именно спросил фюрер у Олафа. Зато до него долетел ответ напарника – четкий, ясный, по-солдатски лаконичный. Видимо, Гитлеру понравился ответ Олафа, и он, похоже, даже улыбнулся, потому что его свита подобострастно рассмеялась.

Затем фюрер развернулся – и Ганс затаил дыхание: великий вождь направлялся к нему! Раздались шаркающие шаги, Гитлер остановился рядом. Ганс, не отрываясь, смотрел в лицо человеку, которого некогда обожала вся Германия.

Ганс был еще ребенком, когда фюрер пришел к власти, но, взрослея, не мог себе представить жизнь без этого человека, благодаря которому Германия стала самым могущественным государством на свете. Впрочем, в последние годы, а особенно в последние месяцы, все разительно переменялось: казавшийся непобедимым тысячелетний рейх трещал по швам. Даже Ганс понимал это. Однако все надеялся на гений фюрера, на то, что великий вождь изобретет план спасения и низвергнет русские и американские орды, наступавшие на Берлин.

И вот теперь Ганс позволил себе в этом усомниться. Разве может стоящий перед ним тщедушный, явно больной старик спасти рейх? Ганс заметил, что с нижней губы фюрера капает прозрачная слюна. Причем видел это не только он один, но и стоявшие рядом офицеры. Один из них услужливо протянул Гитлеру белоснежный носовой платок. Гитлер взял его трясущейся рукой, поднес ко рту, промокнул слюну.

– Солдат, как тебя зовут? – прошамкал великий вождь, причем так невнятно, что Ганс, как ни старался, так и не понял, о чем спрашивает у него Гитлер.

На мгновение повисла страшная, тягучая тишина. Ганс, чувствуя, что внезапно вспотел, стоял, вытянувшись как струна, и тарачился на рейхсканцлера и рейхспрезидента. Не мог же он, в самом деле, попросить Гитлера повторить вопрос!

На помощь подоспел один из генералов – резким, лающим голосом он осведомился у Ганса, как его имя.

Ганс ответил, как его учили – быстро, четко, смотря поверх головы собеседника. Гитлер, похоже, остался доволен. Его трясущаяся рука легла на плечо Ганса, и молодой человек вновь услышал невнятное бормотание. Ему стоило больших усилий разобрать слова:

– Именно такие, как ты, спасут рейх. Потому что ждать осталось совсем немного. Скоро, очень скоро фортуна вновь окажется на нашей стороне.

А затем Гитлер последовал к поезду. Когда фюрер и его свита удалились, Ганс немного расслабился и посмотрел на Олафа, своего приятеля и напарника. Тот, похоже, все еще находился под впечатлением от встречи с Гитлером.

Убедившись, что поблизости никого нет, Ганс осторожно спросил:

– Ты думаешь, он сейчас сядет в поезд и покинет Берлин?

Произнести имя «Гитлер» он побоялся, но и так было понятно, о ком шла речь.

Лопухий рыжий Олаф, не шибко умный, зато обладавший поразительной физической силой, пробасил:

– Ты же слышал, что сказал фюрер! Победа будет за нами! У него наверняка имеется новый план! И мы победим всех этих завоевателей, которые хотят подчинить себе наш рейх!

Ганс уже давно убедился – по политическим вопросам с Олафом лучше не спорить. Тот был предан режиму и лично фюреру до мозга костей. Когда-то и Ганс был таким же. Но все

изменилось в тот момент, когда родители, жившие в небольшом городке Мекленбурге, получили уведомление, что их старший сын Роман погиб на Восточном фронте.

Гансу по этому случаю дали пятидневный отпуск, и он до сих пор помнил трагическую атмосферу, царившую в родительском доме. Отец был мрачен, а мама лежала с сердечным приступом в спальне. Тогда-то Ганс впервые и услышал слова, поразившие его. И от кого услышал – от собственного отца! Тот заявил, что Гитлер не в состоянии обеспечить безопасность рейха, а потом высказал совсем уж крамольную мысль: было бы гораздо лучше, если бы прошлым летом покушение на фюрера увенчалось успехом и он взлетел на воздух в своей ставке в Восточной Пруссии.

Сначала Ганс спорил с отцом, горячо защищая фюрера, но затем смолк и стал внимательно слушать, что вещает отец. Собственно, все это ни для кого не было секретом, но раньше как-то не принято было говорить на подобные темы – о соседях-евреях, исчезнувших в одночасье еще много лет назад; о том, какая ужасная война идет на Восточном фронте, там, в красной империи русских варваров, где сражался Роман. Старший брат три раза приезжал в отпуск в отчий дом и рассказывал невероятные истории, от которых кровь стыла в жилах. Наконец, были еще повествования соседки, сын которой служил надзирателем в концентрационном лагере. Отец припомнил эти истории, а затем пришел к выводу: именно Гитлер низверг Германию в пучину невзгод.

– И откуда он только взялся? – заговорил тогда родитель. – Пришел из небытия и туда же и уйдет, только утащит всю нашу страну за собой. Ну просто чертовщина какая-то!

Слова отца засели у Ганса в голове. Из отпуска он вернулся совсем другим человеком и очень осторожно попытался поднять эту тему в разговорах с Олафом. Но тот немедленно дал ему отпор, заявив, что фюрер делает все правильно, что в гении Адольфа Гитлера сомневаются только предатели. А потом напрямую спросил у Ганса, не подвергает ли он сомнению стратегию великого вождя.

Естественно, Ганс тогда уверил Олафа, что ничуть не сомневается в том, что Гитлер сумеет спасти рейх от вторжения диких полчищ так называемых «союзников». Но крамольные мысли продолжали крутиться в голове, и с каждым днем Ганс все больше убеждался: Германию ожидает колоссальное, полное поражение.

Что произойдет с фюрером, после того как русские возьмут Берлин, он более или менее представлял, но судьба Гитлера, надо сказать, не очень его заботила. Гораздо больше Ганса занимал вопрос, что произойдет с ним самим, с родителями и с невестой. Беспокоило и то, что с Востока надвигались русские – неужели его родной городок окажется во власти этих монстров? Доктор Геббельс в своих выступлениях по радио рисовал русских подлинными чудовищами, которые разве что только младенцев не едят на завтрак. А вот Роман рассказывал совершенно иное – он ведь видел этих самых русских на фронте. И если раньше Ганс верил доктору Геббельсу, то теперь склонялся к мысли о том, что прав был старший брат. Впрочем, ведь Романа именно русские в итоге и убили!

Ганс настоял на том, чтобы родители перебрались к дальним родственникам, обитавшим под Касселем. А вот Клара, его невеста, осталась в Мекленбурге – ее отец был начальником полиции и строго-настрого запретил дочери спасаться бегством.

Никто не знал, что Ганс подумывал о том, как бы вовремя смыться из армии. Кстати, не только его, как оказалось, посещали такие идеи – несколько сослуживцев действительно дезертировали. Двоих из них нашли, задержали и расстреляли на месте. Разделить их судьбу Гансу очень не хотелось. Но и быть расстрелянным русскими или американцами – тоже. Поэтому более всего его занимала мысль, что можно сбежать за границу, куда-нибудь в Южную Америку.

Однако перспектива вкалывать там на плантациях или побираться никак не прельщала. Ганс мечтал стать королем жизни, а для этого требовались деньги. Много денег! Очень много денег! Только вот где их взять?

Вот тут-то и подвернулся этот таинственный поезд. О том, куда они направляются, ни Гансу, ни Олафу, ни прочим парням, считавшимся крайне благонадежными и абсолютно преданными режиму солдатами СС, сообщено не было. Их разбудили посреди ночи и приказали упаковать вещи. Причем взяли далеко не всех, отобрав только тринадцать человек. Число «13» несколько смутило Ганса. Не то чтобы он был суеверным, однако, трясаясь под брезентовым тентом в кузове грузовика, молодой человек вспоминал то, что сказал отец, который назвал Гитлера «демоном», а тысячелетний рейх – «чертовщиной». Конечно, это была всего лишь фигура речи, но мысль, как заноза, отчего-то засела у Ганса в голове.

– Куда мы поедem, как думаешь? – спросил он сейчас, стоя на платформе и поеживаясь на холодном ветру, у Олафа. Было около пяти часов утра, но стояла еще непроглядная темень.

– Я готов выполнить любой приказ фюрера! – отчеканил напарник.

Ганс смолк. Разговаривать с Олафом бесполезно. Тот до такой степени туп, что не понимает – пришло время думать не о фюрере и рейхе, а о себе самом.

А тем временем в бронепоезд спешно грузили деревянные и металлические ящики. Гансу и Олафу тоже было велено присоединиться и помочь. Около вагонов замерли грузовики, в которых находился груз.

Ящики оказались тяжеленные, закрытые на несколько замков и опечатанные, Ганс заметил изображение имперского орла. А еще он разглядел рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, прохаживавшегося по перрону и лично контролировавшего погрузку.

Груза было много, очень много. Гансу очень хотелось узнать, что же находится в ящиках. Как ему показалось, внутри их что-то перекатывается и позвякивает. Если бы была возможность, Ганс непременно бы заглянул хотя бы в один из них.

Узнать, что же там находится, помог случай. Ганс с Олафом тащили очередной тяжеленный ящик, когда два солдата, несшие точно такой же чуть впереди, вдруг не рассчитали усилий, занося груз в вагон, – и их ноша полетела вниз, на перрон. Раздались стук, скрежет, звон – и остолбенелый Ганс увидел, что из треснувшего деревянного ящика высыпались золотые монеты, а также разноцветные сверкающие камешки.

Послышались властные окрики. Ганс, пользуясь сумятицей, наступил на пару камешков, подкатившихся к его ноге, сапогом. А затем велел Олафу поставить их ящик на перрон и немного передохнуть. Надо было подумать.

Олаф, как замороженный, уставился на сверкающую груду золотых монет и переливающихся драгоценных камней. В том, что это было настоящее золото и настоящие драгоценные камни, а никакие не стекляшки, Ганс не сомневался. Кто бы стал грузить в таинственный бронепоезд какие-то жалкие стразы!

Несколько солдат ринулись набивать себе карманы золотом и камнями. Гансу тоже хотелось присоединиться к ним, однако он был неглупый малый и понимал: добром это не закончится.

Сапог Ганса покоился на двух весьма больших камнях, и молодой человек раздумывал, как же лучше их поднять и где спрятать. Жаль, что нельзя хапнуть еще... Но ничего, двух камешков тоже хватит, наверняка они стоят немало.

Молодой человек задумался. Однако что же получается? Выходит, поезд забит несметными богатствами? Ведь ящиков тут тьма-тьмущая, даже не сотни, а, вероятно, тысячи. И все они – сомнений теперь не оставалось – заполнены чем-то чрезвычайно ценным. Вот бы заполучить содержимое поезда в свое полное распоряжение! Тогда бы он стал очень и очень богатым!

Тут на платформе возник не кто иной, как рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, а вместе с ним лощенные офицеры в черных кожаных плащах. Один из офицеров наставил на ближайшего

мародера пистолет и без предупреждения выстрелил. Солдат повалился на покрытый золотом и драгоценными камнями перрон с дырой в затылке.

– И так будет с каждым, кто посмеет взять хотя бы монетку! – заявил, посверкивая стеклами очков, Гиммлер.

Однако смотреть на труп он избегал – неужели всемогущий рейхсфюрер трусил?

Тех солдат, которые пытались набить карманы, взяли в кольцо и увели прочь. Ганс не сомневался, что их ожидает смерть. А вот что будет с ним самим и с Олафом? Пока напарник тупо смотрел на труп мародера, явно соображая, что делать, Ганс быстро убрал сапог с камешков (один был овальный красный, а другой – квадратный зеленый) и доложил одному из офицеров, указывая на них:

– Смотрите, здесь еще два лежат.

С невыносимой тоской Ганс следил за тем, как оба камня переключались в ящик. Зато на него обратил внимание сам Гиммлер. Подойдя к Гансу, он произнес:

– Это с тобой фюрер разговаривал, ведь так? Молодец, хорошо проявил себя! Именно такие люди мне и нужны – кристально честные и абсолютно преданные.

А затем рейхсфюрер СС отдал короткое распоряжение офицеру, который поднял «найденные» Гансом камешки. Тот окинул молодого человека оценивающим взглядом и произнес:

– Ты и твой напарник – за мной!

Ганс содрогнулся. Ну вот, старался как лучше, а вышло только хуже! Кажется, несмотря на похвалу Гиммлера, их сейчас пустят в расход. Вот и будь после этого честным! А ведь «его» камешки были такими большими, наверняка их хватило бы, чтобы приобрести собственную ферму где-нибудь в Парагвае или Чили...

Однако вскоре Ганс понял, что расстреливать их с Олафом не собираются. Офицер доставил их к последнему вагону эшелона. Кстати, пройти туда просто так было бы невозможно – по периметру стояли часовые с овчарками.

И тут Ганс снова заметил фюрера. Оказывается, тот все еще находился на вокзале, хотя молодой человек был уверен в том, что Гитлер давно отбыл восвояси. Развернувшись к Гансу и Олафу, офицер произнес:

– Будете сопровождать эшелон! Но о том, что увидите или услышите, вы должны вечно хранить молчание, иначе – смерть!

А затем Ганс увидел, как по перрону медленно движется странный черный автомобиль, который остановился прямо напротив распахнутой дверцы вагона. Ганса смутило то, что это был катафалк – что ему делать здесь?

Из-за руля выпрыгнул подтянутый молодой тип и отдал честь фюреру, но тот даже не взглянул на него. Его внимание было приковано к самому автомобилю. Гитлер медленно подошел к катафалку, около него возник Гиммлер. Фюрер отдал краткое распоряжение, и два офицера тотчас раскрыли дверцы катафалка.

Ганс старался не упустить ни единой детали, понимая, что стал свидетелем чего-то необычного и, вероятно, чрезвычайно секретного.

Тем временем изнутри катафалка был извлечен большой квадратный ящик. Причем не простой, а, как с невероятным удивлением отметил Ганс, позолоченный. Или, кто знает, может быть, сделанный из литого золота?

Крышку ящика покрывали странные узоры и символы, но Ганс, хоть и обладавший отличным зрением, находился слишком далеко, чтобы рассмотреть все детали. Два офицера остановились, а фюрер подошел к ящику и стал стягивать с дрожащей руки перчатку. У него долго не выходило, но все терпеливо ждали. Наконец Гитлер сдернул перчатку, приблизился к ящику и положил на него руку.

Прошло несколько томительных минут. Никто не смел шелохнуться, все вокруг, казалось, замерло. И вдруг Ганс понял – фюрер читает молитву или что-то в этом роде. А дальше

произошло и вовсе невероятное – великий вождь немецкого народа отошел в сторону и приложил дрожащую руку к фуражке. Он отдавал честь золотому ящику!

А офицеры, чеканя шаг, отнесли ящик в вагон. Затем Гитлер что-то коротко сказал Гиммлеру, обернулся – его взгляд замер на Гансе. Молодому человеку стало не по себе, и он закрыл глаза. А когда открыл, фюрер и его свита уже исчезли.

– Ну, живо, эшелон сейчас тронется! – послышался окрик одного из офицеров. – Быстрее, быстрее!

Ганс направился к вагону, в который внесли золотой ящик, но дорогу ему преградили часовые. Офицер скомандовал:

– Не сюда, в соседний вагон! Туда вход запрещен!

А двое часовых уже закрывали дверь последнего, самого таинственного вагона. Но Ганс успел заметить, что внутренние стены вагона украшены какими-то символами и картинками. Молодой человек сообразил, что не следует задавать лишних вопросов, и подчинился приказанию офицера.

Через три минуты бронепоезд тронулся. Ганс и Олаф находились в вагоне, так и не понимая, куда же лежит их путь.

К месту назначения состав прибыл вечером того же дня – бронепоезд останавливался всего один раз, все прочие поезда уступали ему дорогу. К тому времени Ганс уже немного освоился и пришел в себя. Его удивило то, что в вагоне, в котором он находился, были сплошь только офицеры. Вначале это жутко действовало ему на нервы, но затем Ганс перестал обращать на них внимание – офицеры им ничуть не интересовались.

Олаф, прижавшись к стенке вагона, дремал, а Ганс размышлял. Итак, волей судеб он стал свидетелем того, как по прямому приказанию фюрера из столицы рейха были вывезены сказочные сокровища. Но золотые монеты и драгоценные камни меркли по сравнению с тем, что находилось в последнем, особом вагоне. Видимо, в том саркофаге хранится главное сокровище рейха.

Ганс все пытался представить себе, что же это такое. И пришел к выводу: одно из двух – либо это уникальный, огромных размеров драгоценный камень, например самый большой бриллиант на свете (ведь вряд ли бы фюрер стал наблюдать за погрузкой простых камешков и уж точно не стал бы отдавать ящику честь), либо в саркофаге находится карта, которая может привести к несметным сокровищам.

Молодой человек не сомневался: высшее руководство рейха понимает, что вот-вот наступит конец, поэтому из Берлина и вывозится самое ценное. Причем наверняка ценности прячутся в различных местах. Но где-то должен иметься список, перечень того, где все припрятано. Ведь подобных эшелонов, как полагал Ганс, было несколько. Сокровищ-то у рейха – уйма!

Чтобы жить припеваючи, требуется не парочка драгоценных камней, которые можно продать на черном рынке, размышлял Ганс. И не ящик, забитый золотом и бриллиантами. И даже не эшелон с тысячами подобных ящиков. Требуется знать местонахождение всех сокровищ рейха!

Сейчас Ганс был уверен, что заполучить координаты пещеры Али-Бабы ему вполне под силу. Ну да, бонзы припрятали сокровища, надеясь рано или поздно вернуться и прибрать к рукам несметные богатства. Но кто сказал, что право на них имеют только высокопоставленные нацисты? Ганс тоже хотел получить свой кусок пирога. А если повезет, то весь пирог...

Молодой человек осторожно взглянул на храпевшего рядом Олафа. Нет, напарника нельзя посвящать в детали своего плана. Но ведь одному не справиться! Значит, придется действовать заодно, а как поступить с Олафом потом, он решит позднее. Можно, конечно, дать идиоту несколько золотых монет и горсть бриллиантов, больше-то ему и не нужно, но ведь Олаф туп, как пробка, и может заложить его. Значит, остается одно – убить...

Последняя мысль пришла в голову неожиданно, но молодой человек ничуть не ужаснулся ей и не удивился. Он просто рассуждал логически. Да, придется убить напарника, поскольку доверять нельзя никому, только самому себе. Значит, так и надо поступить. Олаф поможет ему завладеть сокровищами, а затем...

Ганс шумно вздохнул. В этот момент эшелон, уже давно плавно сбрасывавший скорость, остановился. Один из офицеров приказал выходить. Ганс подчинился и, покинув вагон, вдруг понял, что поезд находится не на вокзале, не под открытым небом, а в огромной соляной штольне. Стены и потолок переливались мириадами кристаллов, мощные прожектора освещали черневшие справа и слева туннели, уводившие в глубь горы.

Уже вовсю шла разгрузка эшелона, туда-сюда сновали солдаты и офицеры, грузившие ящики с сокровищами на дрезины, исчезающие в неизвестном направлении. Ганс ждал приказаний, будучи уверенным, что им с Олафом тоже поручат заниматься транспортировкой ящиков.

Однако его ждало разочарование – их поставили нести вахту около одного из пропускных пунктов, находившегося внутри соляной штольни. С затаенным сожалением Ганс следил за тем, как сокровища уплывают у него из-под носа. Молодой человек лихорадочно прикидывал: здесь, в штольне, порядка сорока человек, с ними со всеми ему, конечно, не справиться, даже с помощью Олафа... Значит, надо ждать.

Наконец настал черед разгрузки последнего вагона. Появился рейхсфюрер СС Гиммлер, который, как выяснилось, лично сопровождал бронепоезд. И он сам вынес золотой ящик, бережно держа его в руках, как будто это была люлька с младенцем. Спустившись по лестнице из вагона на землю, Гиммлер намеревался поставить ящик на платформу дрезины, но, видимо, не удержался, подался вперед. Золотой саркофаг вот-вот должен был вылететь у него из рук... И наверняка вылетел бы, если бы не Ганс, обладавший отличной реакцией. Молодой человек мгновенно понял, что это его звездный шанс, и ринулся на помощь рейхсфюреру. В самый последний момент ему удалось удержать ящик.

Да, тот был из литого золота, Ганс теперь не сомневался. Поэтому и такой тяжелый. И внутри находилось нечто очень и очень важное и, вне всяких сомнений, ценное.

Ганс осторожно поставил ящик на дрезину, а затем, вытянувшись во фрунт, замер, не смея взглянуть на Гиммлера. Тут уж или пан, или пропал, понимал Ганс. Или второй человек Германии оценит его поступок по достоинству, или отдаст приказ расстрелять наглеца на месте.

Гиммлер ринулся к ящику, осмотрел его со всех сторон и, убедившись, что он не поврежден, повернулся к Гансу спиной. Молодой человек похолодел: все, влип, сейчас будет отдан приказ о расстреле...

Тем временем Гиммлер взгромоздился на дрезину. Туда же прыгнул один из офицеров, но рейхсфюрер качнул головой и вдруг указал на Ганса:

– Со мной поедет он!

Повторять дважды не пришлось – дрожа от радости, Ганс влез на платформу, чувствуя на себе колючие взгляды офицеров. Но ему было на это решительно наплевать.

– Умеешь обращаться с дрезинкой? – последовал вопрос.

Ганс подтвердил, что умеет. Еще бы, ведь его отец был железнодорожником!

Никогда в жизни Ганс не мог бы вообразить, что ему придется толкать дрезину вместе с самим рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. В голове у парня роилось множество вопросов, но он не посмел задать ни одного из них. Платформа покинула освещенный зал и устремилась в темноту, в один из туннелей. Кое-где дорогу освещали факелы, укрепленные на стенах, но большую часть пути пришлось провести в кромешной тьме.

Ганс слышал пыхтение Гиммлера и вдруг подумал, что сейчас самый удобный момент напасть на него, убить и завладеть главным сокровищем рейха, что покоилось в золотом ящике у его ног. Только вот как потом покинуть штольню? Что-нибудь придумает!

Оружия у Ганса не было (пришлось сдать еще в бронепоезде), однако молодой человек был уверен: он наверняка справится с Гиммлером. Если что, разделается с ним голыми руками!

Тут взгляд молодого человека упал на золотой ящик, и Ганс вдруг сделал открытие – его кровожадные мысли идут именно оттуда. Да, то, что находилось в ящике, подталкивало его к преступлению... Но как такое могло быть?

Послышались голоса, и Ганс понял: за ними следует вторая дрезина, на которой находятся адъютанты Гиммлера. Значит, ничего не получится, придется забыть об ужасном плане. По крайней мере, на данный момент.

– Ты ведь хочешь убить меня? – раздался неожиданно голос Гиммлера.

Ганс вздрогнул и замешкался, не зная, что ответить. А рейхсфюрер заявил:

– Знаю, что хочешь. Поэтому за нами и следуют мои люди. И, собственно, я тоже хочу убить – тебя. Это как радиация... Ты слышал о таком?

Прочистив горло, Ганс ответил, что да, читал в газетах. Гиммлер усмехнулся:

– Да, это своего рода радиация. Невидимые лучи, пронзающие все и вся. Только радиация особая – радиация зла. Наш фюрер был так близок к победе! Однако он уверился в своем всемогуществе и забыл о том, что всеми успехами обязан именно ему.

Рейхсфюрер явно имел в виду золотой ящик. Ганс понимал, что не следует задавать вопросов и вообще вести разговор с Гиммлером. Он сам только что хотел убить его, забыв о том, что тот тоже может лишиться его жизни.

– Да, наш фюрер оказался слаб, – продолжал второй человек рейха. – Впрочем, как и большинство людишек. А вот усатый грузин, что правит в России, поступил иначе. По-умному. Эх, если бы власть с самого начала оказалась в моих руках... Конечно, можно было бы и сейчас стать диктатором, но это уже не поможет. Надо было раньше, да, раньше!

Возникла пауза, прерываемая сопением Гиммлера. Ганс прикинул – похоже, они находятся в самом центре горного массива. И вдруг ему стало страшно. Захотелось оказаться как можно дальше отсюда – от рейхсфюрера Гиммлера, от странной соляной штольни, от поезда, набитого сокровищами. Как можно дальше, желательно на краю света!

Ганс понимал – вопросов задавать не стоит, хотя, несмотря на страх, его так и распирало любопытство. Однако молодой человек сдерживал себя: не мог же он поддерживать беседу с Гиммлером, как с равным!

А тот, казалось, не замечал странности сложившейся ситуации. Дрезина катилась вперед, и рейхсфюрер снова заговорил:

– Я предупреждал фюрера, пытался наставить его на путь истинный, но все оказалось без толку. А теперь уже поздно, слишком поздно. Хотя кто знает? У нас ведь имеется еще «оружие возмездия». Однако исследования до конца не доведены, а вот американцы в этом плане, судя по тому, что нам стало известно, опередили нас. Поэтому придется снова обращаться к нему!

О ком рейхсфюрер ведет речь, Ганс не понимал. Постепенно он свыкся с ситуацией, и тут снова в голову полезли странные, тревожные, преступные мысли. Но молодой человек не забывал – за ними по пятам следуют адъютанты Гиммлера. Странно, почему же тогда тот хотел, чтобы его сопровождал именно он, Ганс?

Впереди забрезжил свет, усиливавшийся с каждым мгновением. Дрезина подкатила к большой стальной двери, вмонтированной, похоже, прямо в скальную породу. Дверь была освещена яркими прожекторами. Рельсы закончились.

Гиммлер соскочил с дрезины, подошел к створке и, указывая на нее, не без гордости заявил:

– Это самый надежный бункер на свете! Намного лучше того, что был построен для фюрера в Берлине. Она хранилась именно там, но сейчас пришлось эвакуировать ее из столицы, по прямому указанию фюрера.

И второй человек рейха кивнул в сторону золотого ящика. Ганс совершенно смутился – то «он», то «она»... Что подразумевает Гиммлер?

И тут произошло нечто неожиданное – до молодого человека донесся странный звук. Как будто кто-то громко хрюкнул. Нет, не хрюкнул – рыгнул. Ганс даже подпрыгнул от удивления. Вначале у него мелькнула мысль, что рыгнул не кто иной, как рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, но звук повторился, и Ганс понял: он идет из золотого саркофага! Там, внутри, явно находилось нечто живое, издававшее странные звуки. Но этот небывалый факт ничуть не смутил и не озадачил Гиммлера.

– Она голодна, – спокойно произнес он, не оборачиваясь. – Еще бы, ведь мы столько времени в пути! Ну ничего, настало время кормежки!

Подойдя к двери, рейхсфюрер замер около затейливого механизма, напоминавшего телефонный циферблат, и обернулся, словно желая удостовериться, что Ганс не подсматривает. Молодой человек намеренно уставился в стену.

Послышался легкий скрежет – массивная стальная створка приоткрылась. И в этот момент, скрипя и сипя, подъехала вторая дрезина, на которой находились четыре человека, а на платформе стоял пугающий металлический бочонок.

Два адъютанта, спрыгнув с дрезины, подошли ближе. Гиммлер уже открыл стальную дверь, и офицеры, подхватив саркофаг, шагнули в помещение, откуда лился призрачный лиловый свет.

Два других офицера подкатили к порогу металлический бочонок. Гиммлер, гадко улыбаясь, пальцем поманил к себе Ганса. Тот, сам не ведая почему, дрожал. Рейхсфюрер СС произнес, поблескивая стеклами очков:

– Тебе ведь хочется знать, где мы оказались? Что это за бункер и что находится в золотом ящике? Но лучше покажите нашему расторопному вояке, что скрывается в бочонке!

Хохотнув, один из офицеров сорвал с бочонка крышку – и в нос Гансу ударил смрад разложения. Вначале ему показалось, что бочонок заполнен кривобокими уродливыми овощами, и только по прошествии нескольких секунд молодой человек понял: внутри лежат младенцы. Человеческие младенцы! Разумеется, мертвые и уже отчасти тронутые распадом. Были видны посиневшие и зеленоватые ручки, ножки, личики, разинутые в беззвучном крике ротки...

Молодой человек отвернулся и упал на колени, чувствуя, что его сотрясают рвотные спазмы. Адъютанты захохотали, и Гиммлер вторил им – смех у него был неприятный, высокий, какой-то бабский.

– Все же хорошо, что при наличии концлагерей материала у нас пруд пруди, – хихикнул рейхсфюрер. – Так что проблем с кормежкой не испытываем.

Из бункера донесся рык, как будто там находился лев или тигр. Ганс в ужасе уставился на бочонок, заполненный мертвыми младенцами, – два адъютанта уже вкатывали его в помещение, из которого исходил лиловый свет.

– Придется ненадолго оставить тебя одного, – обронил Гиммлер. Но тут же добавил: – Хотя это, наверное, не такая уж хорошая идея...

Он позвал одного из офицеров, а сам прошествовал в бункер. Оттуда доносились странные и страшные звуки. Причмокивание. Хруст. Подвывание. Затем стальная дверь захлопнулась, и звуки стихли.

Прислонившись к каменной стене, Ганс осторожно повернул голову в сторону рельсов, на которых стояли две дрезины. Ему хотелось только одного – удрать как можно быстрее!

Адъютант не сводил с него глаз. Ганс притворился, будто его снова накрыл приступ тошноты. А мысли все крутились вокруг того, что находилось в золотом ящике. Там было какое-то редкое животное? Но ведь ящик герметический, животное наверняка бы давно задохнулось!

Да и, судя по звукам, животное было большое, наверное, размером с бегемота или крокодила, и в ящике никак не могло уместиться. Но что это за монстр, который питается мертвыми младенцами? И, собственно, с какой целью Гиммлер прихватил сюда с собой его, Ганса?

В голове мелькнула ужасная мысль, и молодой человек, не раздумывая, метнулся по направлению к дрезине. Была не была!

Но ничего у него, естественно, не вышло – мгновением позже он оказался сбитым с ног и прижатым к холодному полу. Затылка Ганса коснулось дуло. И адъютант произнес:

– Никуда ты не уйдешь! Потому что тебя ждет встреча с обитателем золотого ящика. Поверь мне, это незабываемое событие! Жаль только, что оно станет последним в твоей жизни.

Открылась стальная дверь, и появился рейхсфюрер СС. На его лице играла довольная улыбка.

– Она заморила червячка. Однако деликатесы деликатесами, но ей требуется и кое-что посущественнее! – С наигранным сожалением посмотрев на Ганса, Гиммлер продолжил, обращаясь уже к нему: – Понимаешь, мертвые младенцы для нее – как для некоторых гурманов черная икра. Но ее можно съесть много, и все равно остаться голодным. Поэтому требуется кое-что покрупнее. На тебя указало Провидение – еще бы, ты ведь сам кинулся мне помогать. А надо уметь читать знаки!

Адъютант рывком поставил Ганса на ноги. Молодой человек чувствовал, что по щекам текут слезы. Он все понял – ему уготована участь стать главным блюдом для того, что находилось за стальной дверью в бункере.

– Мне бесконечно жаль, что придется пожертвовать отличным образчиком арийского солдата, но ничего не поделаешь, – ухмыльнулся Гиммлер. – Нельзя же ей все время скармливать представителей недорас. Пойдем!

Адъютант толкнул Ганса в спину, и тот невольно сделал шаг. Ему не хотелось умирать! Очень не хотелось!

Рейхсфюрер СС, ласково посмотрев на юношу, произнес:

– Поверь мне, тебе выпала огромная честь. Древние спартанцы, к примеру, с радостью умирали за Отчизну. То же ждет и тебя. Но до того, как ты встретишься с ней, тебе откроется небывалая тайна. Тайна, к которой причастны избранные. Тайна, которая сведет тебя с ума и заставит трепетать...

Ганс замер, не желая больше делать ни шага по направлению к стальной двери. Оттуда доносилось утробное урчание – нечто, прятавшееся в пещере, явно отчасти насытилось, но, по всей видимости, все еще было не прочь перекусить.

– Будь настоящим арийским солдатом! – приказал Гиммлер. – Ты ведь мог оказаться на фронте и погибнуть, а так ты принесешь рейху гораздо большую пользу. Ведь для того, чтобы использовать ее в полную силу, нам надо умиловить ее. А делается это очень просто – при помощи человеческих жертвоприношений.

Почувствовав новый толчок в спину, Ганс полетел вперед и приземлился у ног рейхсфюрера СС. Тот пнул юношу в бок сапогом и заявил:

– Ничего не поможет, решение принято! Будешь сопротивляться, придется тебя умертвить, но – не хочется. Потому что для установления контакта ей требуются силы, которые дают отнюдь не мертвые младенцы, а живая молодая плоть и кровь.

– Можно прострелить ему позвоночник, чтобы парень не мог убежать, но все еще был живой, – предложил адъютант.

– Дельная мысль! – похвалил офицера Гиммлер. – Ну, нечего тянуть, а то она становится нетерпеливой!

Из бункера в самом деле доносились утробное завывание и звуки, напоминавшие то ли лошадиное пофыркивание, то ли свиное похрюкивание. Ганс подумал, что настали последние секунды его жизни. Но умирать так не хотелось! В отчаянии он обратился к Всевышнему, прося его только об одном – спасти. И клятвенно обещая взамен исполнить любое его пожелание.

– Ну так что, сам пойдешь или мне взяться за дело... – начал Гиммлер.

И в тот момент раздался глухой удар, а вслед за тем – послышался отдаленный раскат взрыва. С потолка посыпались кристаллы соли.

– Бомбардировщики! – завизжал рейхсфюрер, отступая. – Черт бы их побрал!

Последовала серия новых взрывов, и Ганс понял, что нельзя терять ни секунды. Резво вывернувшись, он схватил за сапог адъютанта, рванул ногу на себя, и лоцены офицер грохнулся на пол. Ганс вырвал у него пистолет и дрожащими руками наставил его на Гиммлера. Тот, в одно мгновение растеряв весь апломб, просипел:

– Как твой начальник я приказываю тебе сложить оружие и сдаться!

– Заткнитесь! – крикнул Ганс и выстрелил в сторону рейхсфюрера СС, намеренно целясь не в него, а в стену. Гиммлер взвизгнул.

Ганс ринулся в туннель. Бежать, бежать, бежать! Как можно быстрее, куда глаза глядят! За спиной он услышал возбужденные голоса, вопли и выстрелы. Но тут началась новая бомбардировка.

Несмотря на то что он находился под землей, в штольне, детонация взрывов доходила и до Ганса. Молодой человек то и дело оборачивался, все желая узнать, не пытаются ли его догнать адъютанты Гиммлера на одной из дрезин. Но, видимо, у тех, в связи с начавшейся бомбардировкой, хватало иных забот.

Ганс сбавил темп, лишь когда впереди забрезжил свет. И увидел, наконец, громадную пещеру, в которой находился бронепоезд. Солдаты и офицеры, разгрузившие его, тоже в панике метались туда-сюда.

Молодой человек прижался к стене, не желая, чтобы его заметили, и задумался. Вдруг до его слуха донесся знакомый скрип – вот-вот появится дрезина! Но ни вперед, ни назад пути не было. И тут его взгляд упал на догоравший факел, под которым просматривались очертания двери.

Молодой человек метнулся туда, но дверь оказалась заперта – на толстой металлической цепи висел замок. Ганс дважды выстрелил – и одно из звеньев цепи распалось. Путь был свободен!

Он распахнул дверь... и оказался в крошечной тьме. Захлопнув дверь, стараясь не дышать и все опасаясь, что место его убежища вот-вот обнаружат, Ганс замер.

Но никто не рвался внутрь. Значит, преследователи не видели, как он проник сюда. Глаза постепенно привыкли к тьме, и молодой человек разглядел контуры узкого длинного коридора, шедшего куда-то внутрь горы.

Не оставалось ничего иного, как двинуться вперед. Ганс шел и шел, то и дело сворачивал, несколько раз упал. Взрывы были все еще слышны, но он явно удалялся от них. Юноша ощущал, что коридор уходит вверх.

Сколько он так брел, Ганс точно не знал. Несколько раз беглец останавливался, прислонялся к стене и – проваливался в сон. Но каждый раз ему виделось, как его ловят, запикивают в бункер, посередине которого стоит золотой ящик, крышка которого вдруг распахивается... И Ганс просыпался с криком на устах. А потом продолжал идти вперед. Прошло довольно много времени, прежде чем молодой человек понял, что заблудился. Он плутал по лабиринту внутри горы и не знал, как вернуться обратно, как выбраться из каменного плена!

Хорошо, что стены были мокрые, и он мог, припав к ним губами, собирать влагу. Но ужасно хотелось есть. Наконец Ганс наткнулся на крошечный ручеек и двинулся вдоль него. А ручеек все увеличивался и увеличивался, разрастаясь до размеров небольшой подземной реки.

Вскоре он вышел на берег подземного озера, обойти которое было нельзя. Пришлось, раздевшись, переплыть его. Оказавшись на другом берегу, Ганс вдруг заметил лучи солнца – и побежал прямо к ним.

Он все лез и лез куда-то вверх по узкому лазу, в лицо ему летела земля и сухие листья. Но оттуда, сверху, пахло травой, оттуда пробивались лучи заходящего – или восходящего? – солнца.

Ганс утроил усилия – и вырвался наружу, оказавшись на лесной опушке. Закрыв глаза, которые от яркого света нестерпимо резало, он с удовольствием развалился на земле и вдохнул воздух леса, знакомый ему еще с детства.

И вдруг до него донеслись крики и стенания. Открыв глаза, Ганс заметил нескольких девушек, бросившихся наутек. Только тогда молодой человек сообразил, что совершенно гол – его одежда осталась на берегу подземного озера! Помимо того он был весь перемазан землей и наверняка походил на Лесного Царя.

Однако одна из девушек, крепкая молодуха с простецким, но симпатичным лицом, не спешила уноситься прочь. Прикрываясь лукошком и не без интереса рассматривая голого Ганса, она вдруг спросила:

– Ты кто такой? Русский или американец? Шпион?

– Никакой я не русский! – возмутился Ганс, только сейчас ощутив холод (ну да, ведь стоял март). – И не американец! И уж точно не шпион! Меня зовут Ганс Зоммер, я...

Молодой человек осекся. И зачем он выдал девице свое имя? Ведь его наверняка ищут! Он же теперь дезертир, а за это полагается расстрел. Мало того что он бежал, так еще и стал свидетелем какого-то жуткого ритуала, в котором принимал участие не кто иной, как сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер!

Но его имя девицу, казалось, совсем даже не интересовало. Ее явно занимали особенности анатомии и физиологии Ганса. Вплотную подойдя к молодому человеку, она произнесла:

– А ты почему голый?

Вместо ответа Ганс вырвал у нее лукошко – на доньшке лежало несколько молодых сыроежек – и съел их – в один присест, не ощущая вкуса.

– Где же ты был, что так есть хочешь? – удивилась девушка.

Потом она сняла передник, протянула его Гансу и сказала:

– На вот, прикрой срам-то! И пойдем со мной, я тебя накормлю.

Девушка пошла было по тропинке, но, не выдержав, обернулась и растянула губы в улыбке:

– Уж больно ты мне по нраву пришелся. Шибко хорошо сложен!

И она посмотрела более чем красноречиво на собственный передник, намотанный на бедра Ганса.

Девицу звали Хельга, и она была единственной дочерью мельника, человека мрачного, замкнутого и странноватого. Помимо Хельги у него имелось пятеро сыновей, таких же, как и он сам, высоченных, угрюмых и бородатых.

Сам мельник и его сыновья души не чаяли в Хельге, тем паче что та была единственной женщиной в семье – ее матушка преставилась, произведя на свет последнего сына. Отчего эти увальни, братья Хельги, не попали на фронт, никто толком не ведал, наверное, мельник, человек весьма влиятельный и более чем зажиточный, сумел откупить своих чад от участия в военных авантюрах фюрера.

Обо всем об этом Ганс узнавал постепенно, потому что провел конец весны и большую часть лета в сарае, прямо за мельницей: именно там его спрятала Хельга. А сама прыткая девица то и дело навещала своего пленника, который за кров и еду обязан был платить ей эротическими утехами.

Ганс несколько раз намеревался покинуть сарай, но все откладывал претворение в жизнь своего решения. А потом вдруг стало известно, что война закончилась, рейх капитулировал, после чего деревушку наводнили американские солдаты. Более всего молодой человек опасался, что его поймут и расстреляют. Еще бы, ведь он состоял в СС! Поэтому оставалось только одно – затаиться в сарае и полагаться на добрую волю Хельги, которая, как смекнул неглупый парень, влюбилась в него.

Сам он к полноватой и нагловатой девице не испытывал никаких особенных чувств, однако был вынужден признать, что в искусстве любви ей нет равных. Несколько раз Хельга заводила речь о замужестве, но каждый раз Ганс умудрялся навешать ей лапши на уши, уверяя, что, в связи с окончанием войны и возникшей неразберихой, это надо отложить.

Долго задерживаться в отдаленной деревушке он не собирался, но и покидать ее ему не хотелось. Однако оставался Ганс здесь даже не из страха перед американскими солдатами, и не по причине того, что ему так уж нравилось выступать в роли «сарайного мальчика» для хитроумной Хельги. Его удерживало иное: сразу за мельницей начинался горный массив, где находилась та соляная штольня, куда прибыл бронепоезд, груженный сокровищами нацистов.

Не проходило и ночи, чтобы Гансу не привиделся сон – ящики, набитые золотыми монетами и переливающимися драгоценными камнями. Частенько ему грезился и золотой ларец, тот самый, что представлял такую ценность для Генриха Гимmlера. Хотя, конечно, ценен был не только ларец, хотя бы и сработанный из чистого золота, сколько его содержимое.

Ганс все вспоминал слова рейхсфюрера – тот возлагал надежды на то, что содержимое золотого ящика поможет рейху одержать победу в военной схватке. Судя по всему, не таким уж чудотворным оказался тот саркофаг, раз войну фюрер проиграл и, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством в берлинском бункере. Шептались, правда, что в действительности фюрер сбежал, подсунув вместо себя тело своего двойника, но Гансу было решительно наплевать на судьбу человека, который некогда правил почти всей Европой.

Молодой человек не оставил идею завладеть сокровищами. Не всеми – зачем ему груды золота и бриллиантов? – а хотя бы частью. Ему бы вполне хватило на развеселую жизнь где-нибудь в Южной Америке!

Сокровища еще не были найдены, поскольку никаких слухов о том, что американские солдаты отыскивали вход в штольню, не появилось. Хельга была разговорчивой особой, особенно после соития, поэтому Гансу приходилось упорно трудиться на сеновале, чтобы выудить из девицы всю известную ей информацию. Говорить о поезде с сокровищами он ей не решался, потому что знал: доверять можно только одному человеку – самому себе.

Ганс ждал подходящего момента, чтобы смыться. Потому что поставил перед собой чрезвычайно важную задачу – поиски нацистских сокровищ. И чем дольше он сидел в сарае за мельницей, тем меньше у него становилось шансов на успех. Ведь вход в штольню могли отыскать и союзники. Или кто-то из солдат, как и он сам, принимавших участие в тайной операции под командованием Гимmlера, мог вернуться в пещеру Али-Бабы.

По радио сообщили, что покончил с собой рейхсфюрер Гимmlер – он пытался притвориться обычным солдатом и бежать, однако трюк у него не прошел. Данная весть дошла и до Ганса и весьма взволновала его. Еще бы, ведь ушел в мир иной человек, который, собственно, был мозговым центром нацистского рейха. И тот самый человек, что знал о сокровищах, спрятанных в соляной штольне.

И тут вдруг, заявившись в очередной раз, Хельга сообщила, что она, дескать, беременна! А у него хватило ума поинтересоваться, уверена ли подруга, что именно он – отец ребенка (девица-то была не промах и как-то сама проговорилась, что встречалась с американскими солдатами, в том числе даже и с негром). Хельга, особа весьма импульсивная, начала рыдать, одновременно кроя Ганса ужасными ругательствами.

Не выдержав, парень закатил ей затрещину, но тотчас пожалел об этом, бросился к девушке с извинениями. Но та уже схватила вилы и наставила их на любовника.

– Меня никогда ни папочка, ни братья пальцем не тронули! – заявила она. – Ну, придется тебе за это сполна расплатиться!

И еще до того, как Ганс успел удержать ее, девица выскочила из сарая. Громыкнул засов. Молодой человек толкнул дверь – безрезультатно. Нахалка заперла его! Ганс в который раз принялся метаться по сараю, ища лазейку, но выбраться оттуда не представлялось возможным. Тогда он попытался снести дверь с петель, но только бок себе отбил.

Послышались низкие мужские голоса – сквозь щели в створке Ганс увидел, что к сараю шествуют все пятеро братьев Хельги под предводительством своего отца. В руках у них были косы, топоры и ножи.

Ганс побледнел и схватил подвернувшееся под руку поломанное колесо от телеги. Именно в таком нелепом положении его и застали бородатые злодеи. Хельга же, изображавшая из себя жертву, ревела как белуга, тыкала в Ганса пальцем и твердила, что он лишил ее чести, применив к ней силу.

Братцы ринулись на Ганса, и юноша решил уже, что настал его последний час, но тут Хельга произнесла с надрывом:

– Есть только один выход из ситуации – пусть он меня в жены возьмет!

Священник обвенчал их тем же вечером. Ганс все никак не мог прийти в себя после случившегося: то жил в сарае и вот переехал в богатый дом. И не в качестве жалкого любовника, а на правах законного супруга.

В первую брачную ночь Хельга сразу растолковала Гансу правила игры:

– Будешь на меня поднимать руку – позову братьев вместе с папой! Будешь на других засматриваться – позову братьев вместе с папой! Будешь мне перечить – позову братьев вместе с папой!

Потянулись унылые дни семейной жизни. Если секс в сарае когда-то забавлял Ганса и щекотал ему нервы, то роль мужа Хельги была подобна каторжным работам. Девушка помыкала и братьями, и отцом, и те были готовы исполнить ее любое, пусть и самое сумасбродное, желание.

Прошло несколько месяцев. Ганс изображал из себя покорного мужа, радуясь, что Хельга на сносях, и супружеские обязанности ему приходилось выполнять все реже и реже: в постели жена походила на дрессировщицу, не прощающую малейшего промаха.

Ганс по-прежнему не терял надежды покинуть свою опостылевшую супругу и отправиться на поиски сокровищ, но не знал, как это сделать. Его всюду сопровождали братцы жены или их угрюмый отец. Стоило ему выйти на улицу, как следовал резкий окрик. С ним обращались как с собакой! А сокровища и счастливая жизнь в Южной Америке все манили и манили его...

Наконец пришло время родов. Даже обычно невозмутимый мельник был сам не свой. Послали в соседний городок за врачом и повитухой. Ганс, сидя в соседней комнате, слышал крики жены и уныло думал о том, что, по всей видимости, никуда ему отсюда не убежать. И что суждено ему до скончания века сидеть в этой дыре, в непосредственной близости от несметных сокровищ, а в итоге так и не суметь ими воспользоваться.

Дверь спальни, где мучилась роженица, вдруг распахнулась, и оттуда вывалился трясущийся, с совершенно белым лицом мельник. Пятеро братьев взглянули на Ганса. Делать было нечего. Он понуро поплелся к супруге, разрешившейся наконец от бремени.

Та возлежала на старинной кровати, около нее суежилась повитуха, а доктор держал в руках нечто пищущее, завернутое в кружевные пеленки.

– Поздравляю, милейший, с сыном! – произнес доктор несколько странным тоном.

Ганс даже не изъявил желания взглянуть на ребенка. Зато этого захотела Хельга. Она властно протянула руки по направлению к своему малышу.

– Позовите всех! – заявила она.

Повитуха и доктор переглянулись. Последний, кашлянув, начал было:

– Не советую вам...

Но спорить с Хельгой было бесполезно, это Ганс уже давно понял. Появились дрожащие, похожие на нашкодивших школьников пятеро братьев и мельник. Хельга зыркнула на повитуху, и та подала ей завернутого в кружева новорожденного.

Хельга подозвала к себе Ганса, и тот приблизился к жене. Тут из-под кружевных пеленок показалась крошечная ручка – ручка его сына... Ганс вздрогнул: ручка была странного цвета! И ему тотчас вспомнились события в соляной штольне, особенно бочонок, набитый мертвыми младенцами.

Один из братьев тем временем притащил большой фотоаппарат на треножке, желая увековечить сие памятное событие. Бородачи сгруппировались вокруг кровати, Гансу было велено примоститься около Хельги. Та наконец откинула пеленки, скрывавшие личико новорожденного, и скомандовала:

– Ну, давайте, делайте фото!

Ганс уставился на своего сына, а затем заорал и в ужасе попятился. Потому что на мгновение ему показалось, что в руках Хельга держит чертенка. И только присмотревшись, он понял, что никакой это не чертенок, а обыкновенный ребенок, только... шоколадного цвета и с курчавыми черными волосиками.

Папаша-мельник грохнулся в обморок, а Ганс вдруг припомнил американского солдата-негра, с которым его супруга подозрительно часто танцевала в клубе. Вот и результат тех танцулек!

– Я же говорил, что ребенок не мой, – твердо произнес Ганс и направился к двери.

Хельга велела братьям помешать супругу скрыться, но те, словно замороженные, устали на своего темнокожего племянника.

В этот момент дверь спальни распахнулась, и на пороге возник тот самый американский солдат, отец малыша. Лопоча что-то по-английски, он бросился к кровати с явным желанием прижать к груди свое чадо.

Вот тут-то все и началось! Папаша-мельник к тому времени уже пришел в себя, очнулись и пятеро сыновей. Мужчины все вместе набросились на несчастного солдата.

Воспользовавшись возникшей неразберихой, Ганс спокойно вышел из дома – никто и не думал его задерживать. Вслед за ним выкатились доктор с повитухой. Заметив, что медики грузятся в автомобильчик, Ганс попросил их подкинуть его до ближайшего городка, и уже минуту спустя они неслись прочь, оставив позади сладострастную Хельгу, ее бородастых родственников и темнокожего отпрыска американского солдата.

Денег у Ганса не было вовсе, однако молодой человек тешил себя надеждой, что вскоре все изменится: он готовился стать миллионером! Можно было бы рвануть на север, к родителям, однако его удерживала мысль о том, что рядом находится пещера, забитая сокровищами, о чем, похоже, никто не догадывался.

Поэтому Ганс принял решение остаться. Вряд ли Хельга и ее родственнички, заметив его бегство, додумаются, что он находится где-то под боком. Ганс знал, что ему понадобятся кое-какие инструменты, а также время, чтобы отыскать вход в соляную штольню. И был готов потратить и десять лет жизни на то, чтобы отыскать сокровища!

Промышлять преступлениями он, конечно, не рискнул, а решил наняться батраком на подворье какого-нибудь богатого крестьянина или в качестве грузчика в лавку. Поэтому прямо на следующий день отправился в магазинчик скобяных товаров, располагавшийся на Рыночной площади.

На улице, заметив, что прохожие как-то странно косятся на него, Ганс потер лицо и осмотрел свою одежду – нет, вроде бы, ни сажи, ни грязи. Подойдя к лавке, он увидел двух кумушек, рассматривавших какую-то листовку на стене. Кумушки обернулись и ахнули. Ганс тоже ахнул. Потому что с листовки на него смотрело его собственное лицо. Молодой человек приблизился и прочитал объявление – его обвиняли в убийстве американского солдата, что подтверждали семь свидетелей, каковыми являлись Хельга, ее папаша и пятеро братьев.

Они сами угробили бедолагу, а потом взвалили вину за его смерть на него, Ганса! Молодой человек в ужасе обернулся и заметил американский патруль, к которому уже спешили те две кумушки, бурно жестикулируя и указывая на Ганса.

Мгновенно сообразив, что за убийство его наверняка приговорят к смертной казни, он бросился бежать. Несся, что есть мочи, по старинным извилистым улочкам, а вслед за ним, топоча сапогами, следовали американские солдаты.

Ганс нырнул в темный проулок, метнулся к противоположной стороне – и увидел глухую стену, перегородившую ему путь. Стена была слишком высокой и гладкой, чтобы перебраться через нее. А совсем близко слышались громкие голоса преследователей! Поверят ли они тому, что вовсе не он убил несчастного отца ребеночка Хельги? Наверняка никто его и слушать не будет!

Тут Ганс заметил рядом со стеной дверь. Подбежал к ней, принялся колотить. Дверь открылась, беглец поймал на себе чей-то внимательный взгляд. А потом дверь снова захлопнулась!

Ганс в ужасе понял – на сей раз ему не спастись. Но как же так? Он выжил в соляной штольне, убежав от самого рейхсфюрера СС и его прихвостней, а тут угодил в идиотскую западню!

– Эй, Ганс, ну чего же ты? – услышал он смутно знакомый голос и обернулся.

На пороге возвышался облаченный в тряпье старик с полностью седой головой и заморозанным шарфом лицом.

Старик опустил шарф, и Ганс узнал своего старого друга Олафа.

Олаф распахнул дверь, и беглец нырнул в темную прихожую. Там пахло пылью и кошачьей мочой. А через несколько мгновений раздался стук во входную дверь. Олаф откинул коврик, под которым обнаружился люк. Ганс приподнял его и заметил лестницу, что вела в подполье. Едва он нырнул туда, в дом ворвались американские солдаты.

Впрочем, они быстро удалились восвояси, потому что Олаф, как оказалось, был их старым знакомым – из обрывков разговора на отвратительном английском и еще более ужасном немецком Ганс понял, что Олаф поставляет солдатам спиртное и проституток.

Наконец, после того как последний солдат удалился и входная дверь за ним закрылась, Олаф поднял люк. Выбравшись наружу, Ганс хохотнул:

– Ну, я тебе жизнью обязан!

– Знаю, – буркнул Олаф. – И ты не забывай об этом, Ганс!

Обитал Олаф вместе со странной особой, полуслепой и совершенно глухой, которая была одновременно его любовницей и кухаркой. Ганс рассказал о том, что с ним приключилось, не затрагивая, однако, событий в соляной штольне, свидетелями коих ему довелось быть.

Олаф тоже не особо распространялся на эту тему. Гансу удалось лишь вытянуть из него, что тогда, во время налета, когда ему самому удалось выбраться наружу, часть штольни, где стоял бронепоезд, обрушилась, погребя под собой практически всех солдат и офицеров.

– А вот рейхсфюреру Гиммлеру, как оказалось, повезло! – заявил Ганс. – Впрочем, ты же слышал, что везение закончилось, он с собой покончил. Слушай, а почему ты здесь остался и заделался сутенером для америкашек?

На это Олаф ничего не ответил, а только поднялся и вышел из комнаты. И вдруг Ганс сообразил, почему его приятель, которого он раньше держал за недалекого увальня, решил задержаться в безымянном баварском городишке: как и его самого, бывшего напарника манили сокровища, припрятанные в соляной штольне!

Вернулся Олаф с бутылкой шнапса. Водрузил ее на стол и задумчиво произнес:

– Уж не знаю, кто тебя ко мне послал, Ганс, бог или черт, но какая, собственно, разница... Ты ведь сам охотишься за сокровищами, я прав?

Ганс не стал отвечать на провокационный вопрос. А Олаф, разлив шнапс по рюмкам, буркнул:

– Значит, так тому и быть! Я ведь уже был около входа в штольню... Ее наглухо завалило, если в одиночку разбирать – на тысячу лет работы.

– Вдвоем дело пойдет быстрее, – откликнулся Ганс.

– Ну, пей, чего же ты! – пододвинул к нему рюмку Олаф.

Однако пить Ганс не спешил, поглядывая на своего бывшего товарища. Кто знает, что тот успел подсыпать в шнапс, когда выходил в другую комнату!

Заметив, что Ганс ему не доверяет, Олаф залпом опрокинул свою порцию в рот, крикнул и заявил:

– Верно, Ганс, никому в этой собачьей жизни доверять нельзя! Можно только одному – золоту. Ну и драгоценным камням. А там, в штольне, их навалом. Все равно там больше, чем два человека могут унести, так что предлагаю не враждовать, а вместе работать. Так будет сподручнее.

Взвесив «за» и «против», Ганс пришел к выводу, что Олаф прав. Однако он не спешил делиться имевшейся в его распоряжении информацией.

– Если б я хотел, то мог бы сразу тебя америкашкам сдать, – добавил Олаф несколько обиженно. – Да и сейчас все еще могу. Короче, прекращай ломаться, и давай лучше подумаем, как нам добраться до штольни. Ты ведь каким-то другим путем вышел?

– Вот где собака зарыта! – усмехнулся Ганс. – Ты сообразил, что если я тогда остался в живых, то, стало быть, бежал не через пещеру, куда мы на бронепоезде въехали? Ну, ты прав!

Олаф шумно вздохнул и зашептал, подсовывая Гансу лист бумаги и карандаш:

– Нарисуй мне путь! Ну, давай же, чего сидишь!

Ганс разорвал лист бумаги и отбросил карандаш:

– Ничего рисовать я не буду. Потому что, сдается мне, Олаф, как только я это сделаю, ты мне или глотку перережешь, или на руки америкашкам сдашь. А в пещеру сам наведешься.

Бывший напарник попытался его успокоить:

– Сам подумай, зачем мне тебя предавать? Я же сказал, что будем вместе работать. Ты ведь видел, сколько там золота и камушков! Мы честно поделим сокровища пополам и станем миллионерами. Ну что, по рукам?

Олаф протянул Гансу черную замызганную ладонь, и тот, недолго думая, ударил по ней своей пятерней. Внезапно Гансу подумалось, что он заключил сделку с нечистым. Но молодой человек тотчас отменил эту смехотворную мысль. Скоро, очень скоро он станет чрезвычайно богатым, покинет не отошедшую от войны Европу и переберется в далекие края, где сможет наслаждаться жизнью в обществе юных красоток на собственной яхте!

Молодые люди разработали план. Вынести из пещеры все сокровища не представлялось возможным ни одному, ни вдвоем, поэтому они приняли решение вынести сначала исключительно драгоценные камни, кто сколько унесет, реализовать их, залечь на дно, а потом, по прошествии нескольких лет, вернуться и попытаться извлечь новую партию.

При этом ни Ганс не доверял Олафу, ни Олаф – Гансу. От прежней дружбы не осталось и следа. Каждый думал лишь о том, что скоро превратится в чрезвычайно богатого человека.

Олаф помог Гансу изменить внешность – оказалось, что его сожительница была некогда гримершей в мюнхенском театре и, несмотря на то что теперь плохо видела, все еще могла виртуозно преобразить человека при помощи самых простых подручных средств. Как и Олаф, Ганс превратился в старика – с косматыми седыми бровями, ввалившимися щеками и ежиком седых волос. Никто бы не узнал в нем прежнего молодого человека, супруга сластолюбивой Хельги.

А затем началась подготовка к проникновению в штольню. Например, Олаф по просьбе Ганса раздобыл два резиновых костюма – переплыть подземное озеро при практически нулевой температуре воды голышом ой как не хотелось.

Наконец все было готово. Безлунной ночью молодые люди оказались на опушке леса, где некогда Ганс повстречался с Хельгой.

– Знаешь, у америкашек есть какой-то дикий праздник, – заговорил Олаф, поеживаясь. – Вроде бы считается, что в ту ночь нечисть выходит на землю из ада.

Ганс, освещая путь фонарем, пробурчал:

– А мы сегодня, наоборот, спускаемся напрямиком в ад.

Прятели долго плутали по лесу, пока не наткнулись на большую воронку в земле – снега выпало мало, углубление было заметно. Ганс узнал это место. Да, да, именно здесь он и выбрался тогда на поверхность. Олаф отказался лезть в нору, сославшись на то, что он, в отличие от напарника, не бывал там и не в состоянии ориентироваться.

Гансу не оставалось ничего иного, как спускаться первым самому.

Узкий туннель шел с уклоном вниз, и это было только на руку. Вскоре два приятеля оказались на берегу подземного озера.

Олаф присвистнул и похлопал спутника по плечу:

– Надо же, а ты не врал! А то были у меня кое-какие сомнения относительно твоего рассказа. Думал, заманишь в пещеру и кокнешь.

Он оглушительно расхохотался. Затем стянул с плеч рюкзак и вынул из него резиновый костюм. Ганс последовал его примеру. Но даже и в резиновом костюме в воде было ужасно холодно. Преодолев препятствие, молодые люди долго прыгали на противоположном берегу, обтираясь полотенцами и клацая зубами.

В течение предыдущих дней Ганс старался припомнить, как именно плутал по лабиринту подземных ходов, и даже набросал схему. Однако он так и не признался, что не знает точного пути. Потому что молодой человек намеревался добраться до сокровищ – с Олафом или без него, если напарник испугается и откажется лезть под землю.

Странно, но словно какой-то голос подсказывал Гансу, на каком повороте нужно сворачивать и какой туннель выбрать. Ему казалось, что по мере продвижения в глубь штольни этот голос в его голове звучит все громче и громче. И что он постоянно повторяет одно и то же: «Есть... хочу есть! Есть... хочу есть!»

Ганс отгонял образ, постоянно мелькавший перед глазами: двое адъютантов Гимmlера вносят в помещение, расположенное за стальной дверью, бочонок, заполненный трупиками младенцев. И в памяти всплывали странные, невероятные звуки, которые производило то нечто, поглощавшее эти самые трупики.

Об этом Ганс Олафу не рассказал, отделившись басней, будто чем-то разозлил могущественного рейхсфюрера, и тот приказал своим паладинам расстрелять строптивного солдата. А он, воспользовавшись сумятицей, возникшей при бомбежке, сбежал.

Голос в голове Ганса уже походил на крик – нечто требовало еды. То самое нечто, которое находилось за стальной дверью! И именно оно вело их сейчас к штольне, потому что... По какой именно причине, Ганс даже и думать не хотел.

Он то и дело оборачивался на Олафа, а потом, не выдержав, спросил:

– Ты тоже это слышишь?

– Что слышу? – выпучился на него приятель, пыхтя.

Нет, Олаф определенно ничего не слышал. Ганс пришел к выводу: нечто установило контакт с ним, то есть с тем человеком, кто находился когда-то в непосредственной близости к нему. О чем говорил тогда Гиммлер? О радиации зла?

И вдруг голос смолк. Ганс, вывернув из-за угла, оказался в широком туннеле, споткнулся обо что-то и упал. Постарался нащупать фонарик – и дотронулся до чего-то холодного, металлического.

– Рельсы! – крикнул он. К нему присоединился Олаф, вывалившийся в туннель из расщелины.

– Черт побери, Ганс, дружище, ты не обманул! Скажи, как тебе удалось запомнить дорогу? Это же просто нереально!

Ганс промолчал. Не стал говорить о том, что дорогу не помнил, а ориентировался на странный голос, звучащий в мозгу.

Молодые люди побрели вдоль рельсов и вскоре оказались в небольшой пещере, на полу которой громоздились ящики. Олаф рывком распахнул один из них, и сверкнули золотые слитки. В другом оказались ожерелья, кольца и броши. В третьем – ассигнации сгинувшего Третьего рейха. Олаф принялся набивать рюкзак драгоценностями.

Подчиняясь внезапному порыву, Ганс вышел из пещеры и двинулся дальше. Впрочем, отошел недалеко, наткнулся на груды камней, преграждавших путь. Около рельсов валялась раздавленная дрезина. Там же лежало человеческое тело, вернее, скелет с зажатым в руке пистолетом. Судя по форме, еще не успевшей истлеть, то были останки одного из адъютантов Гиммлера.

Странно, но скелет был словно кем-то изжеван. Создавалось впечатление, будто на человека напало какое-то дикое и чрезвычайно свирепое животное. Только откуда взяться в баварской соляной штольне льву или тигру?

Ганс подхватил пистолет, проверил обойму – в ней остались два патрона – и вернулся к напарнику. Тот набивал уже третий рюкзак. Бросив взгляд на приятеля, Олаф произнес:

– Ну, ты будешь мне помогать?

Странно, но сокровища уже больше не занимали Ганса. Потому что его внимание сконцентрировалось на другом конце туннеля. Там, где располагался бункер.

– Я не сказал тебе, но теперь скажу, – произнес он, обращаясь к Олафу. – Тогда вместе с Гиммлером я побывал в особом бункере. Он здесь, неподалеку. И в нем спрятано самое ценное сокровище рейха.

Обернувшись, Олаф с интересом взглянул на Ганса.

– Я ведь так и знал, что ты от меня что-то утаиваешь! Конечно, я не забыл о золотом ларце, который Гиммлер из рук фюрера получил. Наверняка в ящике было нечто небывалой ценности!

Взвалив на плечи мешки, под завязку набитые драгоценностями, Олаф произнес:

– Давай, веди меня туда! Посмотрим, что именно там Гиммлер припрятал. Бьюсь об заклад, мы не только миллионерами, а миллиардерами станем!

Ганс указал в сторону бункера, и Олаф, несмотря на то что у него была тяжелая ноша, первым побежал туда. Ганс, поотстав, шел за ним, сжимая в руке пистолет и чувствуя непреодолимое желание поднести его к голове Олафа и спустить курок.

Да, радиация зла, как говаривал рейхсфюрер СС... И Ганс знал, почему он сказал Олафу о бункере. Так было надо! Ведь то, что было заперто в золотом ларце, очень и очень голодно. И уйти отсюда можно только в одном случае – скормив ему Олафа.

Молодые люди достигли стальной двери бункера. Олаф охал и ахал, а потом попытался открыть дверь. Но та, конечно же, была заперта.

– Ну и как мы попадем внутрь? – спросил он в раздражении.

Ганс велел ему осветить фонариком на затейливый аппарат с диском, немного похожим на телефонный. Нужной комбинации чисел Ганс, конечно же, не знал, однако не сомневался: то, что привело его сюда, поможет открыть дверь.

Едва он дотронулся до стальной поверхности, как в голове снова загудел голос: «Есть... хочу есть! Есть... хочу есть!»

Действуя словно по наитию, Ганс тринадцать раз выбирал определенное число и крутил диск. И каждый раз раздавался еле слышный щелчок. Когда он сделал так в последний раз, послышался лязг, и стальная дверь приоткрылась.

– Ты просто гений! – в восторге воскликнул Олаф и толкнул дверь. – Подумать только, сейчас я увижу самое ценное сокровище рейха! Как ты считаешь, что это? Может, фамильные реликвии Габсбургов? Они ведь исчезли с концами. Или...

Олаф прошел в бункер. Ганс зажмурился, готовый в любой момент броситься к двери и закрыть ее. Он ждал рева, урчания, криков. Но ничего такого не последовало. Зато раздался голос напарника:

– Ганс, ты где? Ого, да здесь, кажется, имеется свой генератор! Ну-ка, ну-ка...

Что-то щелкнуло, и из бункера полился призрачный лиловый свет. Ганс все медлил, не желая следовать за Олафом.

– Черт, да тут сокровищ видимо-невидимо! Молодец, что привел меня сюда! Все жалкие ожерелья и брошки из ящиков по сравнению с этим просто ерунда!

Ганс шагнул в бункер. Тот был на удивление небольшим, вряд ли больше двадцати квадратных метров. Вдоль противоположной стены стояли металлические контейнеры, заполненные отсортированными по цвету драгоценными камнями. Олаф, вывалив на пол содержимое трех рюкзаков, набивал их теперь бриллиантами, изумрудами, рубинами.

Но внимание Ганса привлек знакомый ему золотой саркофаг, стоявший на некоем подобии алтаря. Он подошел к ларцу. И до него вдруг донесся громкий звук – кто-то рыгнул. Конечно, не он сам. И не Олаф. А то, что находилось в ящике. Немыслимо! Будь там даже какое-то неведомое кровожадное животное, оно просто не смогло бы прожить без еды и без воды в ларце в течение полугода! Но звук повторился.

– Что, проголодался? – гоготнул Олаф, продолжая набивать рюкзаки драгоценными камнями. И забормотал: – Черт, придется снова все сортировать. Надо брать только большие камни, мне не нужна всякая мелочовка. Да помоги же, черт тебя побери!

Он обернулся и заметил, что Ганс застыл около золотого саркофага. Выпустив из рук рюкзак, Олаф подошел к приятелю и тихо спросил:

– Это и есть тот ларец?

– Да, он и есть, – подтвердил Ганс и чуть отодвинулся от него. Потому что ни при каких обстоятельствах не хотел дотрагиваться до ящика.

А вот Олаф смело подошел к ларцу, отдернул защелки – их оказалось ровно тринадцать – и отбросил крышку. Ганс в ужасе отступил, ожидая, что на приятеля бросится то ли анаконда, то ли сказочный монстр.

Но ничего подобного не случилось. Олаф стоял, не шелохнувшись, и рассматривал что-то, лежавшее на дне ларца.

– Гм, что за ерунда? На книгу похоже. Ну и на черта нам это? Хотя, может, и пригодится. В обложку-то вроде камешки вправлены...

Он запустил руки внутрь ящика, и тут произошло неожиданное – что-то щелкнуло, и четыре боковые стороны ларца вдруг упали вниз. Олаф, выругавшись, отскочил в сторону.

То, что находилось на дне саркофага, и в самом деле походило на старинный фолиант. Переплет был кожаный, а обложка инкрустирована неправильной формы матовыми камнями.

Трансформации тем временем продолжались. С легким щелчком боковые стороны удивительным образом сложились, и книга вдруг оказалась стоящей на большой золотой подставке, словно на пюпитре – подходи и листай.

– Ну и хрень! – воскликнул явно заинтригованный происходящим Олаф. – Чего только люди не придумают! Хм, никак не пойму, что тут эта книженция делает? Чем она была так дорога фюреру?

Тот же вопрос занимал и Ганса. Тем временем голос в его голове усилился: нечто, требовавшее еды, по всей видимости, изрядно проголодалось!

Олаф снова подошел к подставке с книгой, склонился над ней и разочарованно произнес:

– Нет, это даже не камешки. Черт, это же... это...

И он отскочил от книги, словно ошпаренный. И даже, задев ногой мешок с драгоценностями, повалился навзничь. Ганс помог приятелю подняться и тоже осторожно подошел к книге.

Судя по всему, она была не просто старинная, а древняя. Наверняка ей было много сотен лет. Ганс впился взором в украшавшие переплет камешки и вдруг понял, что так напугало Олафа.

Это были не камни, а... зубы. По всей видимости, человеческие. Чей-то заботливой рукой аккуратно отточенные и отполированные.

Кожа переплета была темно-красной, почти черной, испещренной метинами. Ганс склонился все ниже, все ближе к фолианту, и у него возникло чувство, что его тянет к книге, словно магнитом. И ведь он понимал, что делать этого не следует, но все равно продолжал наклоняться...

Вдруг одна из метин на коже переплета странным образом зашевелилась, приоткрылась – и на Ганса уставился глаз. Только не человеческий, а какой-то странный, словно звериный. Молодой человек отпрянул. А когда снова взглянул на книгу, то никакого глаза, разумеется, не увидел.

Олаф же тем временем осмелел. Подошел к книге и протянул к ней руку. Ганс зажмурился – и услышал шелест страниц. Рискнув, открыл глаза – Олаф листал фолиант.

– Ну и что за чертовщина? – произнес он недовольным тоном. – Я, конечно, слышал, что имеются книги, которые миллионы стоят, и подумал сначала, может, эта – одна из них. Так ведь нет! Вообще даже не книга, а неизвестно что!

Дело было в том, что на желтых пергаментных страницах книги не было решительным образом ничего! Ни надписей, ни рисунков! Книга состояла из сотен пустых страниц!

– Ладно, и так уже потеряли много времени из-за какой-то ерунды, – резко захлопнул Олаф книгу. – Все, пора отсюда сваливать. Бриллиантов набрали...

Раздался стук – книга снова стояла на подставке раскрытой! Но как такое могло произойти? Ганс был поражен. Метаморфоза не ускользнула и от внимания Олафа. Хмыкнув, он снова захлопнул книгу и даже ударил кулаком по обложке.

И тут же был отброшен в сторону, к ящикам с драгоценными камнями. А книга, словно под воздействием резкого порыва ветра, опять раскрылась, зашелестели страницы. И вдруг все стихло: книга оказалась открытой точно посередине.

– Что за черт! – произнес Олаф, поднимаясь с пола и потирая ушибленные места. – Ты видел, Ганс?

Гансу хотелось одного – бежать как можно быстрее прочь! Но его ноги словно приросли к полу. Олаф же вразвалочку подошел к книге, внимательно осмотрел подставку, обошел несколько раз вокруг алтаря с подставкой, почесал затылок и сказал:

– Тут ведь какой-то механизм, да? Только зачем? Не понимаю!

И с этими словами он плюнул на книгу. Причем с его рассеченной при падении губы на страницу упала капля крови. Которая немедленно исчезла без следа, как будто приземлилась не на пергаменте, а на губке!

Вслед за тем начало происходить совсем уж странное – желтые пергаментные страницы принялись на глазах темнеть и за считанные секунды стали совершенно черными.

– Вот ведь чудеса! – произнес Олаф растерянно. – Эй, Ганс, ты чего все время молчишь? Как думаешь, может, все-таки прихватить с собой книжку? Наверное, она бешеных бабок стоит!

И Олаф попытался приподнять книгу с подставки. Но у него не вышло – как парень ни тужился, сдвинуть фолиант ни на миллиметр не смог.

– Такое впечатление, как будто она тонну весит. Или все две. – Олаф явно был изумлен. – Эй, Ганс, давай же, подсоби!

На помощь приятелю Ганс не пришел. Потому что чувствовал: вот-вот свершится нечто ужасное. Ибо голос в его голове смолк, а вместо него возникло утробное урчание, какое издает лев за мгновение до прыжка.

Олаф снова попытался приподнять книгу, и с его губы опять упала капля крови. Но, вместо того чтобы приземлиться на черных страницах, она попросту исчезла. Олаф растерянно произнес:

– Черт, Ганс, а ведь тут и не страницы вовсе! Я не вру! Как будто... будто некое подобие колодца или что-то в таком роде.

Молодой человек поднял с пола бункера несколько драгоценных камней и швырнул их в книгу. Те исчезли в черноте, расплывшейся на страницах.

– Вот это да! – произнес потрясенный Олаф. – Теперь я понимаю, почему нацисты берегли книгу как зеницу ока.

И тут со страниц книги, вернее, откуда-то изнутри книги, вылетели все те же драгоценные камни и приземлились на пол. Только сейчас камешки были вымазаны чем-то зеленовато-синим, похожим то ли на клей, то ли на слизь. Тогда Олаф подхватил ящик с драгоценными камнями, поднес его к книге и бросил на нее.

Вообще-то металлический короб был намного больше книги по размерам, но, тем не менее, небывалым образом провалился внутрь страниц. Олаф ахнул, опустился на карачки и принялся изучать алтарь, на котором стояла подставка с книгой.

– Такого даже в цирке не увидишь! – заявил он. – Нет, пожалуй, книжку мы с собой возьмем...

И тут книга стала фонтанировать драгоценными камнями, а потом оттуда вылетел смятый в гармошку кусок стали – все, что осталось от ящика. И камни, и металл были вымазаны все той же зеленовато-синей мерзостью.

Затем по бункеру разнесся громогласный звук – нечто рыгнуло. Неужели рыгнула книга? Да нет же, то, что находилось внутри ее!

Олаф, окончательно ошалев, подбежал к фолианту, схватил его... и его правая рука соскользнула с обложки, по локоть погрузившись в черноту, заливавшую страницы. Истошно вопя, Олаф попытался извлечь руку, но не получилось – она застряла внутри книги.

– Помоги же мне, черт тебя побери! Помоги! – орал Олаф, обращаясь к Гансу.

Но тот и не думал броситься на подмогу своему приятелю.

Внезапно по краям страницы что-то мелькнуло. Что-то белое, очень похожее на клыки. И в следующий момент по бункеру разнесся нечеловеческий крик.

Олаф отпрянул от книги, но большая часть его руки была то ли отрублена, то ли откушена, из раны хлестала кровь. Несчастный повалился на пол и засучил ногами. А со страниц книги – хотя нет, это были не страницы, а совершенно пустое черное пространство! – вдруг вырвалось тонкое красное щупальце. Оно несколько раз ударилось об пол, задело ящики с

драгоценными камнями, а потом наконец нащупало Олафа. И, обхватив его ноги, потащило к алтарю, на котором возвышалась книга.

Ганс, словно замороженный, наблюдал за этим мистическим действием.

Извиваясь, щупальце скрылось в черноте страниц, и туда же полезли удерживаемые им ноги Олафа.

– Ганс, помоги мне! – стонал несчастный, на шее которого вздулись вены. – Не дай ему сожрать меня! Прошу тебя! Я же тебя спас!

Не выдержав, Ганс вытащил из-за спины пистолет, навел его на Олафа и выстрелил. Один раз. Потом второй. Крики стихли – он убил приятеля. А затем тело Олафа исчезло внутри книги! Это противоречило всем физическим законам и было похоже на видение сумасшедшего, но это была правда.

Вдруг книга что-то выплюнула – на пол упали ботинки Олафа. И снова по бункеру разнесся звук смачной отрыжки. А через минуту из разлитой по страницам черноты опять показалось щупальце...

Ганс, шок у которого от ужаса прошел, бросился бежать, оставив позади и рюкзаки, набитые драгоценными камнями, и пещеру с золотыми слитками. Он должен остаться в живых, должен!

Путь был один – через хитросплетения подземных ходов наверх, к солнцу, траве и небу. Только Ганс не знал, куда идти. Он метался по мрачным коридорам, все надеясь, что окажется около подземного озера. А в голове у него билась чужеродная, страшная мысль: «Не уйдешь! Не уйдешь! Не уйдешь!»

Он потерял счет времени, а потом и силы покинули его. Наконец настал момент, когда молодой человек мешком упал на камни. И до него донесся странный шум – нечто, напоминавшее шуршание.

Ганс сразу понял, что это такое, – это щупальце, выползшее из книги! Оно пришло за ним! Значит, он должен разделить судьбу Олафа – и быть съеденным...

СССР, 1984 год

Дверь палаты распахнулась, и на пороге возникла улыбающаяся пожилая нянечка. Марина увидела в ее руках малыша в пеленках. Это был ее малыш!

– Ну вот и ваша доченька! – пропела нянечка, подплывая к кровати. – Утютю, какая красивая... Вся в маму!

И она осторожно протянула ребенка Марине. Та взяла младенца и прижала его к груди. Всколыхнулись воспоминания – она пошла на рынок, там ей стало плохо, кто-то на своей машине доставил ее в больницу, и ее сразу отправили на операционный стол. Последним, что Марина видела, было склонившееся над ней лицо хирурга – и его сверкающие красные глаза. Нет, конечно, глаза никак не могли быть красными!

– Ну что же, мамочка, вы не хотите взглянуть на свою доченьку? – Нянечка расплылась в сдобной улыбке.

Марина поправила пеленку и взглянула на ребенка. Долго смотрела на розовенькое личико и курносый носик, а потом решительно протянула ребенка нянечке и сказала:

– Вы ошиблись, это не моя дочка.

Нянечка ахнула, забрала младенца, выбежала из палаты. Марина откинулась на подушку и взглянула на молодую девицу, лежавшую на соседней кровати и кормившую грудью своего сыночка.

Марина не могла сказать, почему решила, что ребенок, которого вручила ей нянечка, не ее собственный. Она просто знала это. Да, малышка красивая, однако не ее. Сомнений у нее не было.

Хотя нет! Женщина вдруг поняла, почему так уверена в ошибке. На рынке у нее началось кровотечение, возникшее в результате отслоения плаценты. В больнице ей пришлось делать кесарево сечение – под общим наркозом. Но Марина по крайней мере один раз пришла во время операции в себя. И отчетливо слышала, как хирург, тот самый, с красными глазами, властно произнес:

– Мальчика заберите, а девочку сюда!

Значит, у нее родился сын, сейчас же ей подсовывают дочку. Марина не сомневалась, что тот момент не был сном или галлюцинацией.

Через минуту нянечка вернулась. Смущенно улыбаясь, она протянула Марине ребеночка со словами:

– Ну вы на меня и нагнали страху, мамочка... Конечно же, это ваша доченька. Вот, смотрите, и номерок на ножке тот, что нужно. Ну, возьмите же!

Марина смотрела на ребенка, которого протягивала ей нянечка, а потом решительно произнесла:

– Я хочу переговорить с заведующим отделением. Или лучше с главврачом.

Улыбка нянечки померкла, и пожилая женщина, вздохнув, произнесла:

– Да что вы, мамочка, в самом деле? Вот, возьмите пример со своей соседки! Ведь вашей доченьке хочется кушать!

– Повторяю, это не мой ребенок! – упорствовала Марина. – И у меня не дочка, а сын! Отдайте мне его! Вы все напутали!

Лицо нянечки пошло бордовыми пятнами, на глазах появились слезы:

– Мамочка, держите себя в руках! У нас отличная больница, строгий учет. И никогда еще детей у нас не путали! Ну возьмите же, наконец, свою малютку!

А малютка, видимо, проснувшись, подала голос. И это только укрепило Марину в ее правоте: ведь тогда, придя в себя на операционном столе, она слышала крик своего сына! И его крик не имел ничего общего с криком навязываемой ей неизвестной девочки.

– Отдайте мне моего сына, или я на вас в милицию заявление напишу! – заявила Марина. – Немедленно отдайте!

Последние слова роженица уже выкрикнула, чем испугала соседку и ее малыша – тот залился плачем. Марина попыталась подняться с постели, однако ничего путного не вышло – не сделав и пары шагов, она рухнула на пол.

В палату вбежали две медсестры, кинулись ей на помощь. Марина же стала от них отбиваться, все требуя, чтобы ей отдали сына. Вошла еще одна медсестра, державшая в руке шприц. Марина умудрилась боднуть женщину в живот головой и на четвереньках выползти в коридор.

Она стремилась попасть в палату, где лежали новорожденные. Потому что знала: ее сын находится именно там. Или нет? Сердце внезапно кольнуло, и Марина поняла – ее малыша в больнице уже нет!

К несчастной женщине устремился медбрат, желая удержать ее, но та впилась ему в ладонь зубами, прокусив чуть не до кости. Медбрат, чертыхаясь, отскочил в сторону. Марина попыталась подняться, но у нее не получилось. Однако и сдаваться она не собиралась.

– Отдайте мне моего сына! Что вы сделали с ним, мерзавцы? Вы украли моего ребенка! – кричала женщина, пугая шедших мимо рожениц.

Медицинский персонал расступился – в коридоре возник импозантный, холеный мужчина с седеющей бородкой, одетый в белый халат. На его руке посверкивал массивный золотой перстень. На секунду Марине показалось, что его глаза сверкнули огнем. И она поняла – это тот самый хирург, что делал ей кесарево сечение.

– Марина Васильевна, прошу вас, успокойтесь, – сказал он ласковым голосом.

Голос был тот же самый, который приказал в операционной: «Мальчика заберите, а девочку сюда!»

– Я успокоюсь только тогда, когда вы отдадите мне моего сына! – крикнула, захлебываясь слезами, Марина. – Это ведь вы его украли! Вы и ваши прислужники!

Доктор горестно вздохнул, качнул головой и произнес, обращаясь к собравшимся медсестрам и пациенткам:

– Типичнейший случай послеродовой горячки. Прошу вас, разойдитесь!

А затем он обратился к Марине:

– Давайте разберемся во всем. Мы ведь находимся в советской больнице, не так ли?

Марина была вынуждена признать, что врач прав.

– А вы когда-нибудь слышали, чтобы в советских больницах подменяли или тем более похищали детей? Поверьте, если бы такие случаи имели место, о них непременно бы сообщили в «Правде» или в программе «Время». Я ведь прав?

Толпа зевак к тому времени рассосалась. Марину окружили две медсестры, та самая нянечка, что пыталась подсунуть ей вместо сына какую-то девчонку, а также мрачного вида медбрат. Все они кивали в такт словам доктора.

Марине снова пришлось согласиться с врачом. И тот продолжил:

– Конечно, никто не застрахован от ошибок, и иногда, подчеркиваю, иногда детишек в родильных домах путают. Но у нас подобного никогда не было и быть по определению не может!

Окружавшие Марину личности закивали головами.

– Но если вы настаиваете, то давайте я провожу вас в палату, где находятся наши малыши, вы осмотрите их и убедитесь в том, что вашего сына среди них нет. – Врач протянул Марине руку.

Подумав, женщина собралась было вложить в ладонь доктора свою, но тут заметила, что его глаза отливают красным. Как и глаза двух медсестер, нянечки и медбрата, взявших ее в кольцо.

– Вы все заодно! – вновь закричала она. – Вы украли моего сына! Вы отобрали его у меня! Вызовите немедленно милицию!

Врач ловко всадил ей в предплечье шприц, спешно переданный ему одной из медсестер, и Марина тотчас почувствовала головокружение и невероятную слабость, нараставшие с каждым мгновением.

Женщина обмякла. Появился еще один медбрат с каталкой, Марину уложили на нее и повезли куда-то по бесконечно длинному коридору. Наконец впихнули в палату без окон. До Марины донесся голос врача, шедший словно из бочки:

– Мальчика отдали?

– Да, доктор, не извольте беспокоиться! – ответил визгливый женский голос. – А с ней-то что делать? Убить?

– Нет, потому что это может вызвать ненужные вопросы. У нас в роддоме и так слишком высокая смертность. Все равно ей никто не поверит.

Над Мариной возникло лицо доктора. Только это было уже не лицо человека, а уродливая рожа страшилища. А вылетавшие из его рта слова впились в ее мозг раскаленными углями:

– Твоему сыну уготовано невероятное будущее. А ты обо всем забудешь. Немедленно!

Подросла сестра, сделавшая Марине еще одну инъекцию, после которой женщина практически сразу потеряла сознание.

– Однако сие не означает, что Марина Васильевна не является примерной матерью, – завершил монолог импозантный доктор с седеющей бородкой, ласково глядя на сидевшего перед ним молодого мужчину.

– Значит, моя жена в порядке? Или все же нет? А психически она... здорова? – осторожно спросил он.

– Геннадий Петрович, уверяю вас, что послеродовая горячка, увы, явление не такое уж и редкое, – вздохнул врач. – А в случае с вашей супругой мы имеем дело с ее особо буйным проявлением. Выводы пока делать рано, вашей супруге придется задержаться у нас на некоторое время. Но хватит о грустном! Вы ведь желаете увидеть свою дочку?

Рыжеволосая женщина средних лет, сидевшая рядом с мужчиной, – это была его мать, – заявила, что они, конечно же, очень хотят увидеть дочку и внучку. Извинившись, доктор вышел из кабинета, оставив мать и сына одних.

– Гена, я всегда говорила, что твоя Марина тебе не пара! – воскликнула дама. – Мне уже доложили, какой она концерт здесь устроила. Стыд и срам!

Геннадий Петрович вздохнул и скорбно посмотрел на родительницу – та являлась для него непререкаемым авторитетом.

Вернулся доктор вместе с улыбающейся нянечкой, которая несла на руках ребеночка.

Новоявленная бабушка ахнула, бросилась к малышке и, посмотрев на нее, заявила:

– Конечно же, наша порода! Вылитая моя мамочка, твоя бабка, Гена! Наверное, поэтому в голове у Маринки и перемкнуло. Она ведь нас ой как не любит!

Доктор и нянечка еле заметно переглянулись – больше проблем, как сразу же стало понятно, возникнуть не должно.

Геннадий Петрович подошел к мамаше, державшей младенца, и посмотрел на ангельское создание.

– Спасибо вам, товарищ доктор! – произнесла, расчувствовавшись, рыжеволосая женщина. – А Марину, прошу, подержите у себя подольше, до полного выздоровления. Не дай бог, она еще малышке вред причинит!

Когда посетители вышли из кабинета, забрав девочку, доктор усмехнулся:

– Эти идиоты нам не опасны, чинить препятствий не станут. Однако за матерью необходим глаз да глаз!

– Может, все же ликвидировать? – произнесла нянечка, не переставая улыбаться.

Но доктор качнул головой:

– Я же сказал, нет! Не исключено, женщина нам еще пригодится, если с мальчиком что-то случится. Ведь выносить младенца только она в состоянии!

О том, что случилось в роддоме, Марина помнила плохо. Вернее, даже совсем не помнила. Однако ее любимая свекровь Полина Геннадьевна (намекавшая, будто она – княжеского рода, что, несомненно, было выдумкой) не упустила возможности на второй же день после возвращения невестки домой попрекнуть ее тем, что та пыталась от собственной дочки откататься.

Девочку назвали Светланой в честь матери Полины Геннадьевны. Мнением Марины никто на сей счет не поинтересовался. Своих родителей она не знала, выросла в детдоме, поэтому и некому было ее защитить от нападков свекрови.

И все же смутные мысли о случившемся в роддоме начали сплетаться в таинственный узор. Марина никак не могла вспомнить чего-то важного, ключевого, однако она прекрасно знала: Света – не ее дочь.

Говорить об этом мужу и свекрови молодая мать не решалась, потому что знала, какая последует реакция. Кормить грудью чужого ребенка, к которому она не испытывала никаких чувств, кроме ненависти, было для нее настоящим мучением. Марина понимала, что девочка ни в чем не виновата, что малышка, как и она сама, стала жертвой интриг бессовестных врачей, однако поделаться с собой женщина ничего не могла.

У нее родился сын! Она это просто знала, и все тут. Но сына у нее забрали. И нужно было сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть его.

Воспоминания возвращались медленно, словно нехотя. Марина не сомневалась, что в роддоме ее пичкали какой-то медикаментозной гадостью. Да и после выписки ей было велено принимать какие-то таблетки, причем свекровь лично следила за тем, чтобы Марина делала это строго по часам. Только Полина Геннадьевна и не догадывалась, что невестка лекарство не глотает, а прячет под языком, а потом осторожно вынимает изо рта и бросает в унитаз.

Марина знала, что ей нельзя срывать, иначе ее обман раскроется. Поэтому ей приходилось, прикладывая невероятные усилия, изображать из себя любящую мать. Хорошо, что Полина Геннадьевна, досрочно вышедшая на пенсию, буквально тряслась над своей внучкой и проводила с девочкой почти весь день. Марине это было на руку.

Стояло лето. Роженица все еще находилась на больничном. Женщина ходила гулять по тенистым бульварам их небольшого провинциального городка или бродила по набережной, тянувшейся вдоль величественной реки. А сама обдумывала, как же ей вернуть сына.

Сначала Марина хотела обратиться с милицию, однако быстро распрощалась с этой идеей. Никто ей не поверит! Ее только снова запрут в отдельную палату и станут пичкать психотропными средствами.

Выйти на сына можно было через его похитителей. Марина знала, кто стоит за его похищением: банда, работавшая в роддоме. И в первую очередь заведующий отделением Лев Романович Лоскутин, тот самый холеный тип с седеющей бородкой, что оперировал ее. Поэтому Марина то и дело навевалась в роддом, располагавшийся в бывшей резиденции князей Вечорских.

Вокруг роддома раскинулся огромный заброшенный парк, плавно переходивший в лес. А там, в лесу, имелось пользовавшееся дурной репутацией старинное кладбище. Марина, родившаяся и выросшая в городке, когда-то, будучи ребенком, играла с мальчишками на том кладбище. И помнила, что ей всегда казалось, будто за ней кто-то наблюдает – то из-за покосившейся статуи мраморного ангела, то из-за громады старинного склепа.

Теперь, подсаживаясь на скамейки к молодым мамочкам, Марина заводила с ними разговоры, неизменно сводя их к личности доктора Лоскутина и к происшествиям в роддоме. Услышала она и историю о самой себе, причем в различных интерпретациях. Правда, на особо подозрительные сведения не натолкнулась.

Но как-то, сидя на скамейке и наблюдая за клонившимся к горизонту июльским солнцем, Марина услышала женский голос:

– Да вот тебе крест! Она ко мне повернулась, а у нее глаза красным горят! Как будто пламя в них полыхает!

Марина едва не подпрыгнула, потому что в ее голове возникла картинка: пятеро человек, взявших ее в кольцо, и у всех у них страшные красные глаза... Не поворачиваясь и притворившись спящей, женщина краем глаза заметила двух молодых медсестер, которые брели по дорожке парка.

– Знаешь, она и мне не нравится, – откликнулась другая собеседница. – Слащавая уж очень!

Марина поняла, что речь идет о нянечке. Той самой, улыбчивой и вроде бы доброй, которая так навязывала ей чужого ребенка.

– Может, она за воротник закладывает, потому что у нее глаза кровью и наливаются? – продолжила особа.

– Да нет же, глаза были не налитые кровью, а именно красные! – заявила запальчиво первая медсестра. – Помнишь старую церковь? Ну, ту, что снесли, а потом универсам на месте которой построили... Я там фрески видела, и на них именно такими были изображены черти – с красными глазами.

– Гм, ну ты через крайхватила! Может, у нее болезнь какая?

– Да что за болезнь, если у нее глаза красными стали, а потом снова нормальными? Как будто она умеет их цвет регулировать. Но это еще полбебеды! Зачем, скажи на милость, она ходит ночью на заброшенное кладбище?

– Откуда ты знаешь, что на кладбище? Может, просто в лес отправилась.

– В три часа ночи? В полнолуние? С ребенком на руках? Я, конечно, Льву Романовичу об этом сказала, но он мне не поверил.

Кумушки удалились, и Марина распахнула глаза. Ее сердце билось быстро-быстро. Нашли кому жаловаться на нянечку – ее сообщнику Лоскутину! Решение созрело за пару мгновений. Марина теперь знала, что должна делать.

На следующую ночь она выскользнула из квартиры и отправилась в парк роддома. Все ждала, что появится нянечка с ребенком на руках, но та так и не возникла. На следующую ночь Марина снова дежурила в парке, однако знакомой няни опять не было.

И тут она поняла – женщины вели речь о полнолунии, а оно всего несколько дней как миновало. Значит, надо ждать.

Первое полнолуние пришлось на ненастную и дождливую августовскую ночь. Как назло, в тот день маленькая Света долго не могла заснуть, пришлось носить ее на руках и укачивать. Марине хотелось поскорее отделаться от капризной девчонки и отправиться в парк роддома. А тут еще и муж все не ложился, а свекровь лезла с указаниями, как лучше укачивать ребенка. Наконец Полина Геннадьевна забрала малышку и стала напевать ей колыбельную. Девочка практически сразу замолчала.

Полина Геннадьевна души во внучке не чаяла. Хотя какая она ей внучка! Так, подкидыш, дочка неизвестных родителей. И это был один из вопросов, занимавших Марину: если ее сына врачи похитили, а ей подсунули другого ребенка, то, соответственно, они должны были его где-то взять! В городе вроде ни один младенец не исчезал, иначе возникли бы слухи. Значит, привезли откуда-то из другого места?

В конце концов Полину Геннадьевну тоже сморил сон, и, сидя в кресле-качалке, она, прижав к себе мирно почивавшую Светочку, стала посапывать и причмокивать. По опыту Марина знала: на руках у свекрови малышка не плакала и не капризничала, тихо спала до самого утра.

Муж тоже утомился. Вначале пытался приставать, но Марина отвергла его сексуальные притязания (после ее возвращения из больницы супруг спал на кушетке в гостиной, а она – в спальне).

И вот, натянув плащ и повязав голову платком, Марина выскользнула из квартиры. Хоть стояло полнолуние, ночного светила на небе видно не было: его заволокли тучи. Хлестал дождь, гудел ветер, чувствовалось приближение осени.

Марина пришла в парк роддома – и вовремя! Потому что увидела фигурку, отделившуюся от здания и перемещавшуюся в сторону леса. Это, вне всяких сомнений, была нянечка. К груди она прижимала белый сверток. Марина окаменела – наверняка женщина несла младенца!

Молодая мать спряталась за старинным дубом, и через несколько секунд нянечка пробежала мимо нее. До слуха донеслись всхлипы малыша. Марина бросилась вслед за нянечкой – та была на редкость проворной.

Парк вскоре закончился, они углубились в лес. А потом показалась покосившаяся ограда заброшенного кладбища. На небе сверкнула молния, и ее призрачный свет озарил надгробия и могилы.

Нянечка нырнула в дыру в ограде, Марина за ней. Внезапно нянечка обернулась – преследовательница еле успела спрятаться за постамент мраморной статуи. Не уверенная, заметила ее нянечка или нет, Марина для верности выждала несколько секунд. А когда осторожно выглянула из-за пьедестала, женщины и след простыл. Однако далеко уйти эта особа не могла. Марина дала себе слово, что спасет ребенка, которого та украла у родителей, а также вытрясет из мерзавки душу, а вместе с ней и признание относительно того, где находится ее сыночек.

Некоторое время Марина безрезультатно блуждала по кладбищу – и вдруг заметила слабый свет, пробивавшийся из-под железной двери одного из полуразрушенных склепов. Осторожно подошла ближе, и до ее слуха донеслось странное гудение, шедшее как будто из-под земли. Да нет же, никакое это не гудение, а песнопения! И шли они в самом деле из-под земли!

Марина осторожно приоткрыла дверь склепа, и та пронзительно взвизгнула. Прислушалась – нет, песнопения не прекратились. Она прошмыгнула в склеп.

Внутри пахло гнилыми листьями и мхом. Женщина осторожно осмотрелась, увидела каменные ступени, уводившие куда-то вниз, под землю, оттуда и пробивался неяркий свет. Подошла к лестнице и заметила на первой ступеньке что-то крошечное, белое. Подняла, поднесла к глазам и поняла: у нее в руках крошечный вязаный чувячок. Наверняка свалился с ножки младенца, которого нянечка принесла в лес из роддома!

Песнопения усилились. Они немного походили на церковные, однако так показалось только в первое мгновение. Что-то тревожащее, страшное было в голосах, доносившихся из подземелья склепа.

Марина сделала шаг и замерла. Ей почудилось, будто кто-то смотрит ей в спину. Чувство было точно такое же, как и раньше, в детстве, когда она играла здесь, на кладбище. Женщина обернулась, однако никого в склепе не обнаружила.

Тут из-под земли донесся пронзительный крик – это был крик младенца! Марина быстро спустилась по лестнице, стараясь, однако, ступать как можно тише. И ее глазам предстала удивительная картина: внизу, в достаточно большом помещении, горели свечи и факелы. Виднелись фигуры, облаченные в черные плащи с капюшонами. Они стояли к Марине спиной.

У противоположной стены склепа находилось некое подобие алтаря, на котором лежал несчастный младенец – абсолютно голый! Ребенок заходился в крике, но никого из собравшихся это не заботило. Около алтаря стоял человек в белом одеянии, который держал в руке золотую чашу.

– Настало время принести жертву! – раздался его возглас. – Ибо пришла пора кормежки!

Что он имел в виду, Марина не поняла и понимать не хотела – происходящее вызывало у нее небывалое отвращение. Было ясно, что ребенка намеревались принести в жертву.

Два человека в черном принесли стальной ящик, который поставили на алтарь, рядом с ребенком. Прислужники смиренно отошли в сторону, а их предводитель откинул крышку и извлек из ящика старинный фолиант.

Стоило этому произойти, как люди в черных плащах буквально взвыли – то ли от радости, то ли от испуга, то ли от того и другого вместе. Прислужники быстро убрали короб, а еще один тип водрузил на алтарь некое подобие подставки, позолоченной или даже, может быть, золотой. На нее предводитель и положил книгу.

Ничего особенного в той книге не было – кожаный переплет, в обложку вмонтированы тусклые, неправильной формы то ли камни, то ли кусочки кости.

Собравшиеся затянули новую заунывную песнь, а предводитель раскрыл книгу посередине. К удивлению Марины, никаких изображений или текста на желтых пергаментных страницах книги не оказалось.

Предводитель поднес к книге золотую чашу и плеснул ее содержимое на страницы книги. В отблесках факелов Марина заметила, что это была, по всей видимости, кровь. Кровь залила страницы книги, но, вместо того чтобы под действием силы земного притяжения устремиться вниз, на алтарь, вдруг застыла, а потом начала исчезать. Создавалось впечатление, что книга попросту впитывала ее в себя!

Через пару секунд от кровавых разводов не осталось и следа. Но внезапно желтые страницы принялись темнеть. Собравшиеся повалились на колени и воздели руки к потолку. Даже предводитель отступил в сторону и склонил голову.

Марина поняла: она должна воспользоваться представившейся ситуацией. Женщина сорвалась с места, пробежала мимо коленапреклоненных сектантов, погрузившихся в некое подобие транса, поднеслась к алтарю и протянула руки к младенцу.

Но тут предводитель поднял голову – и Марина в ужасе узнала... товарища Сергеева, второго секретаря горкома, чьи фотографии регулярно появлялись в газетах. Шептались, что городом заправляет именно Сергеев, а не его начальник, первый секретарь Ткаченко. Не колеблясь, Марина схватила младенца.

И вдруг произошло невероятное: со страниц книги, точнее – из ее черных глубин вырвалось что-то мерзкое, скользкое, длинное. Это было щупальце с присосками! Оно шлепнулось именно туда, где секунду назад лежал ребенок.

Марина отшатнулась, повернулась, чтобы бежать прочь, но тут раздался голос второго секретаря горкома:

– Взять ее! Не дайте ей уйти!

Несколько сектантов, придя в себя, вскочили с колен и ринулись наперерез женщине. Хотя ребенок был чужой, Марина вдруг вообразила, что у нее на руках собственный сын, а его она не намеревалась отдавать без боя. Но силы были неравные – личности в черных одеяниях загнали женщину в угол. Тяжело дыша, Марина прижала к себе младенца. Тот продолжал кричать.

– Осторожнее с ребенком! – раздался голос Сергеева. – Он должен быть живым, иначе хозяину это не понравится!

Вперед вышла невысокая полная фигура. Капюшон сдвинулся, и Марина узнала нянечку из роддома.

– Отдай ребенка! – заявила та грубо, протягивая к Марине руки. От благодушной и улыбочивой особы не осталось и следа. – Если не отдашь, наши люди тотчас отправятся к тебе домой и выпотрошат твоего мужа и всех твоих родственников, как свиней на бойне!

Марина не сомневалась, что это не пустая угроза. Однако сын был ей дороже всего! Она прижала младенца к груди и затравленно озиралась по сторонам. Собравшихся было не меньше трех десятков, и справиться с ними женщина, конечно же, не могла. Что же делать?

– А если отдашь, то, может быть, мы не станем убивать твоих близких, – продолжила нянечка, наступая на Марину. – А вот тебя саму, конечно же, придется ликвидировать. Больно настырная ты баба!

Марина приняла решение – малыша она не отдаст. Ведь вокруг нее не люди, а самые настоящие монстры!

Кольцо стало сжиматься. К Марине, к младенцу, прижатому к ее груди и прикрытому ее плащом, потянулись скрюченные пальцы сектантов. Нет, ребенок им ни за что не достанется, ни за что!

Первая рука схватила женщину за волосы, причем пребольно. Марина вскрикнула. Вторая рука ухватила ее за шею. В глазах потемнело, женщина отчаянно закричала. Вслед за ней закричал и младенец.

Нападавшие вдруг расступились, более того – бросились прочь. Потому что к Марине двигалось щупальце – то самое, что вылезло из книги. Нет, нет, это была не книга, ее страницы походили сейчас на отверстие жерло мистического колодца. Это было окно в другой мир!

Щупальце удлинялось и удлинялось. Его привлекал крик младенца. Марина попыталась успокоить ребенка, но тот был напуган и никак не затихал. Подобное огромной змее щупальце медленно ползло по каменному полу.

Краем глаза Марина заметила факел, вставленный в металлическую скобу, что была вмонтирована в стену. Женщина метнулась туда, схватила факел правой рукой, левой удерживая ребенка на груди.

Щупальце распрямившейся пружиной полетело прямо ей в лицо, но Марина успела ткнуть в него полыхающим факелом.

Откуда-то издали донесся рев, похожий на рык необычайно большого и разъяренного животного. Марина принялась с остервенением стегать щупальце факелом. Присоски обуглились, кожа лопнула, оттуда потекла мерзкая на вид белесая жидкость.

Щупальце с необычайной скоростью втянулось обратно в книгу. Ошеломленный второй секретарь горкома Сергеев уставился на фолиант и горестно произнес:

– Хозяин, мы сейчас же накажем эту мерзавку! Пожалуйста, не извольте беспокоиться, мы ведь полностью на вашей стороне...

Второй секретарь горкома не успел договорить. Потому что из глубин книги, вернее, из того странного колодца, что открылся в книге, вылетело щупальце и попало прямо в лицо Сергееву. Тот дико заорал, но щупальце в мгновение ока скрутило его, как питон скручивает свои жертвы.

– Хозяин, это же я, ваш покорный слуга! Я сделаю все, что вы прикажете! Только отпустите меня! – заголосил мужчина.

Но было поздно: щупальце поволокло его к алтарю. Пораженные происходящим сектанты стояли, прижавшись к стенам, и в ужасе наблюдали за незавидной участью своего предводителя.

Марина же бросилась к лестнице. Никто и не подумал перегородить ей дорогу или броситься за ней. Со стороны алтаря раздавались крики, вопли и стоны. А потом послышался жуткий хруст ломающихся костей.

Гигантскими прыжками Марина неслась по лестнице вверх. Выскочила из склепа и помчалась прочь с кладбища. Дождь перешел в настоящую бурю. Удивительно, но малыш уже не плакал, а только тихонько всхлипывал. Марина все боялась, что упадет и придавит ребенка, однако еще больше боялась замедлить бег.

Только оказавшись в парке роддома, женщина остановилась и перевела дыхание. А потом откинула полу плаща и посмотрела на ребенка. Тот уморительно зевнул и чихнул. Молодая мать поняла: малыша нужно как можно быстрее доставить в теплое место.

Женщина поспешила к себе домой. Часы на кухне показывали половину четвертого. Марина положила ребенка на стол и принялась перепеленывать, благо чистых пеленок в доме имелось предостаточно. Это был мальчик, которого наверняка украли у любящих родителей.

Марина сноровисто меняла пеленки, одновременно подогревая на медленном огне молоко, когда на кухню зашел, потягиваясь и жмурясь на яркий свет, ее муж Геннадий.

– Мариша, ты чего не спишь? – спросил он и бросил рассеянный взгляд на ребенка. – Тебе ведь отдохнуть пора, мама о Светочке позаботится.

Геннадий схватил с плиты чайник, поднес его ко рту и стал пить из носика. Но вдруг поперхнулся, уставившись на стол. Держа в руке чайник, мужчина подошел ближе.

– Но... но это же не Светочка, а пацан! – произнес он ошеломленно.

Марина ничего не ответила, а только попробовала пальцем молоко: не хватало еще, чтобы оно стало слишком горячим.

– Я повторяю – это же пацан! – повысил голос муж.

– Знаю, – откликнулась Марина лаконично и, завернув мальчика, подхватила его на руки.

– Что значит «знаю»? – Геннадий схватился за голову. – Господи, где ты его взяла? Молчишь? Ты что, украла ребенка? Марина, ты хоть соображаешь, что тебе за это будет? Что с нами со всеми будет?

Марина же тем временем кормила из бутылочки малыша. Тот жадно припал к соске и глотал теплое молоко.

– Ты почему меня игнорируешь? – взревел Геннадий и подскочил к жене. – Правильно мамочка говорит, ты сумасшедшая!

На пороге кухни возникла и сама мамочка, Полина Геннадьевна, грозно сведя брови:

– Гена, ты чего орешь? Ты хоть в курсе, который час? Светочка даже проснулась и начала плакать!

Из зала донесся плач девочки, но Марину это нимало не заботило. Она нашла сына, своего сына. Или того, кто отныне станет ее сыном.

Взгляд Полины Геннадьевны упал на ребенка, которого невестка кормила из бутылочки Светочки. Ахнула, подлетела к ней и вырвала бутылочку из рук.

– Мамочка, она ребенка украла, – пожаловался, едва не хныча, Геннадий. – И притащила его к нам в дом.

Полина Геннадьевна скривилась:

– Не удивлюсь, если твоя чокнутая женушка еще и родителей его уколошила. Не выпускай ее с кухни, я пойду звонить в милицию.

Геннадий выдернул ящик кухонного стола, извлек оттуда нож и, наставив его на Марину, произнес дрожащим голосом:

– А я ведь тебя любил! И очень сильно! Но ты все испортила! Правильно мамочка говорила...

– Лучше миксер возьми, – хмыкнула Марина.

– Чего? – вздрогнул Геннадий.

– Миксер, говорю, возьми! – повторила Марина.

Она никуда и не собиралась убежать. Ребенку требовались тепло, покой и молоко. А милиционерам она все объяснит. Ей даже благодарны будут, и тогда Полина Геннадьевна останется с носом.

– Миксер? Какой миксер? – не понимал Геннадий.

Марина только вздохнула. И как она могла жить с этим человеком? И в особенности с его мамочкой?

Милиция не заставила себя ждать. Вскоре на кухню вошел пожилой страж порядка, произведший на Марину хорошее впечатление. Сразу было видно, что он профессионал и служака. Такому можно было доверять.

– Она украла ребенка! – воскликнул, брызжа слюной, Геннадий. И при этом тыкал ножом в сторону Марины. – Арестуйте ее! Арестуйте немедленно!

– Если кого и придется задержать, так это вас, гражданин, – возразил милиционер. – Потому что именно вы угрожаете матери с ребенком ножом.

На кухню ввалилась Полина Геннадьевна, ставшая поливать Марину грязью. Милиционер, грозно насупив брови, оборвал свекровь:

– Я не собираюсь становиться арбитром в семейной склоке! Тем более в четыре часа ночи! Если вам больше нечего сказать, я пойду.

Немного успокоившись, Полина Геннадьевна снизила тон:

– Она ребенка украла. Того самого, что в руках держит. И наверняка его родителей убила. Она такая!

Милиционер цыкнул на свекровь:

– Выводы делать предоставьте мне! Я никому не позволю просто так обвинять кого-либо в столь тяжком преступлении, как убийство!

Страж порядка подошел к Марине и чуть смущенно поинтересовался:

– Это ваш ребенок?

– Мой! – ответила без колебаний Марина и улыбнулась. В тот момент она походила на Мадонну с полотен старых итальянцев. – Разве не видно?

Малыш, уже насытившись, мирно спал, причмокивая губами. Марина склонилась над ним и поцеловала в лоб.

– Гм, она говорит, что это ее ребенок, – произнес милиционер, почесывая затылок. – Да и все указывает на то, что это правда...

– Вот ее ребенок, видите? – крикнула Полина Геннадьевна, принеся из гостиной спящую Светочку. – У нас и свидетельство о рождении имеется! Смотрите сами! А вот паспорт этой особы, у нее только один ребенок записан. Один! Дочь Светлана!

Свекровь сунула документы в руки милиционеру. Тот внимательно изучил свидетельство, паспорт, вернул их и, кашлянув, повернулся к Марине:

– Гм, гражданочка, кое-что тут явно не сходится. Потрудитесь объяснить, откуда у вас в квартире появился второй ребенок.

– Это мой ребенок, – повторила умиротворенным тоном Марина. – Его у меня украли и подменили на девчонку. В роддоме. Люди с красными глазами, служители какого-то культа. Культ связан с магией и чертовщиной.

Милиционер выпучил на Марину глаза – та говорила небывалые вещи совершенно спокойно.

– Заправляет всем доктор Лоскутин. Ему помогают нянечка и несколько медсестер и медбратьев. Они крадут детей, уносят их в лес, на заброшенное кладбище, и приносят в жертву.

– В жертву? – переспросил сипло милиционер. – Кому?

– Тому, кого называют хозяином, – ответила Марина. – Я сама все видела. Они и сейчас на кладбище, в полуразрушенном склепе. Сектанты поклоняются какой-то старинной книге, которая только на вид книга, а в действительности нечто колдовское. Если на страницы книги капнуть кровью, то открывается подобие колодца в другой мир. Или в ад. Или черт знает куда. То есть в самом что ни на есть прямом смысле – черт знает куда.

– Колодец в другой мир? – Милиционер крякнул, сдвигая на затылок фуражку. Причем сделал он это так энергично, что головной убор полетел на пол, на что милиционер не обратил ни малейшего внимания.

– Да, именно так и есть, – продолжила с улыбкой Марина. – Причем из книги, вернее, из другого мира вылезает щупальце. Примерно такое, как у спрута, только во много раз длиннее. Щупальце и должно было забрать ребеночка, но я не позволила. А заправляет всем этим безобразием товарищ Сергеев.

– Какой товарищ Сергеев? – выдохнул милиционер.

– Наш товарищ Сергеев, второй секретарь горкома КПСС, – пояснила Марина. – Только, боюсь, привлечь к ответственности вы его не сможете. Потому что после того, как я отстегала щупальце факелом, тот, кто его выпустил, рассвирепел и напал на товарища Сергеева, хотя тот и твердил, что является покорным слугой хозяина. Думаю, щупальце утащило товарища Сергеева туда, в книгу.

– В книгу? – ахнул милиционер. Затем повернулся к столу, схватил с него чайник и принялся пить воду из носика.

– Вам лучше чашку взять, потому что из носика только что пил Геннадий, – заметила Марина любезно. Страж порядка поперхнулся и, поставив чайник на стол, произнес:

– Чрезвычайно любопытные сведения... Чрезвычайно любопытные!

– Да вы что, не видите, что она просто чокнутая? – завопила Полина Геннадьевна. – Как вы можете верить такому бреду?

Милиционер топнул ногой.

– Гражданочка, предоставьте мне решать, кому верить, а кому нет! И что тут бред, а что нет! Повторяю, это чрезвычайно любопытные сведения!

Марина была довольна – она не ошиблась в милиционере. Он выведет на чистую воду сатанистов и поможет отыскать ее сыночка. Хотя, впрочем, она его уже отыскала...

Женщина посмотрела на малыша, мирно спавшего в ее руках, и вдруг поняла: нет, это не ее сын. Марина всхлипнула. Милиционер погладил ее по плечу и успокаивающе сказал:

– Ну, не надо реветь! Все будет хорошо, я гарантирую!

– Этой не мой сын, понимаете, не мой! – произнесла Марина, глотая слезы. – Они наверняка принесли его в жертву своей книге, убили моего сыночка! Вы должны их всех арестовать! И судить! И приговорить к расстрелу! Потому что у них на совести не только мой малыш, но наверняка и масса других!

Милиционер бережно взял у нее ребенка и передал подоспевшей Полине Геннадьевне.

– Конечно, конечно, гражданочка, – заверил он Марину, – все будут арестованы, причем нынче же ночью, не извольте беспокоиться. Однако нам надо проехать в отделение, чтобы оформить протокол. Вы ведь не откажетесь меня сопроводить?

Марина последовала за стражем порядка. Внизу их ждал «уазик». Милиционер распахнул дверцу со словами:

– Ведь ничего страшного, если за решеткой проедетесь до отделения? А там мы зафиксируем ваши показания.

Он помог забраться Марине в кузов. Хлопнула дверца. И до женщины донесся приказ милиционера водителю:

– Скорее, гони в дурку! Потому что мы имеем дело с буйнопомешанной!

Такого же мнения придерживались и врачи психиатрической больницы, куда была доставлена Марина. Ни в какое милицейское отделение ее, конечно же, никто не повез. Марина не сопротивлялась, а пыталась объяснить врачам, что она не умалишенная и ничего не выдумывает.

– Сами посудите, в роддоме должен был исчезнуть младенец, – сказала она во время беседы с тремя врачами – двумя пожилыми и одним помоложе. – Это же не так сложно проверить!

Психиатры переглянулись.

– Марина Васильевна, мы уже проверили. Потому что, поверьте, крайне серьезно относимся к своим обязанностям. Увы, младенец там не исчезал.

– Значит, его украли где-то еще! – заявила упрямо Марина. На что врач помоложе с мягкой улыбкой заметил:

– Но ведь вы только что утверждали, что всех детей, которых приносят в жертву этому букварю...

Он, не сдержавшись, прыснул. Пожилые коллеги с осуждением посмотрели на него, и доктор, быстро взяв себя в руки, продолжил:

– Этой книге. Прошу прощения, этой сатанинской книге. Так вот, всех детей, как вы утверждали, брали именно из роддома. И вы сами видели, как нянечка выносила ребенка именно из роддома. Но ребенок там не пропадал.

– Они там все заодно! – воскликнула Марина. – Вы разве не понимаете? Они заправляют в нашем городе всем! Товарищ Сергеев...

– Товарищ Сергеев находится сейчас в отпуске, в Пицунде, – возразил один из пожилых врачей. – Я звонил своему однокашнику, главврачу тамошнего ведомственного санатория. Он, естественно, отлично знает товарища Сергеева и общался с ним прошлым вечером. Согласитесь, не мог же товарищ Сергеев быть в Пицунде в девять вечера, а в три ночи уже на заброшенном кладбище в нашем городе?

– Они все могут! – упрямо твердила Марина. – Это же магия! Это же сатанизм! Вы понимаете, кто их хозяин?

– Главный кальмар пяти океанов? – снова не выдержал молодой коллега. – Тот, что со щупальцами?

– Я уверена, что товарищ Сергеев мертв, – покачала головой Марина. – Вы должны это проверить! Потому что, вероятно, сейчас будет разыгран «несчастный случай» в Пицунде, в результате которого товарищ Сергеев «погибнет». Им же надо как-то его смерть завуалировать!

Врачи переглянулись, и самый старший из них произнес:

– Марина Васильевна, вы должны смотреть правде в глаза: все эти... э... события, о которых вы говорите, – не более чем плод вашего воспаленного воображения. Что и понятно в сложившейся ситуации: ведь вы считаете, что потеряли ребенка, хотя это не так. Однако не будем спорить! Вам придется на некоторое время задержаться у нас. Мы вам поможем.

– Однако вы должны объяснить, откуда вы взяли ребенка, того, что принесли на квартиру своей тещи, – вклинился в разговор молодой врач. – Ведь его родителей так и не нашли! Вы похитили его в другом городе?

– В десять вечера я была дома, а в четыре ночи меня привезли к вам, – парировала Марина. – Сами посудите, разве у меня была возможность посреди ночи смотаться в другой город, украсть там ребенка и вернуться обратно? На чем, на метле?

– Гм, возможно, на гигантском щупальце, – буркнул доктор-весельчак.

Он уставился на Марину, в то время как два его пожилых коллеги что-то вполголоса обсуждали. До Марины донеслись обрывочные фразы: «Не лишено определенной логики...», «Симптомы не так четко выражены...», «Следует применять щадящую терапию с учетом того, что женщина недавно стала матерью...»

Внезапно молодой доктор усмехнулся: высунул кончик малинового языка, а его глаза вдруг загорелись красным. Марина вскочила со стула и завопила:

– Демоны здесь! Вот, этот врач тоже! Вы не понимаете, он на их стороне!

После случившегося с ней истерического припадка уже не могло быть и речи о щадящей терапии. Марина помнила, как на нее надевали смирительную рубашку, а молодой доктор, стоя в углу, усмехался. И в его глазах плясали адские огоньки.

Марину поместили в отдельный бокс, ей были сделаны две инъекции. После них на нее напала сонливость...

Спустя некоторое время дверь бокса распахнулась. Появился молодой доктор, подошел к Марине. И вдруг его лицо преобразилось, превратившись в рожу монстра. А глаза сияли красным.

– Тварь, ты лишила нас нашего предводителя! – заорал он, не скрываясь, ведь в помещении была отличная звукоизоляция. – Впрочем, это не так уж и плохо, теперь я займу его место. Но ты слишком много наболтала, придется теперь потрудиться, чтобы замять исчезновение товарища Сергеева. Ведь оттуда, куда он ушел, обычно не возвращаются!

Доктор снова принял нормальное человеческое обличье, но глаза его еще оставались красными.

– Вы меня убьете? – спросила Марина. И сама же ответила на свой вопрос: – Конечно, убьете. Вы ведь только и знаете, что убивать людей!

– Не людей, а в основном детей, – поправил ее с ухмылкой врач. – Потому что наш хозяин любит именно детское мясо, которое там, в тех местах, где он обитает, считается деликатесом. Как у нас раковые шейки или балычок. Нет, убивать мы тебя не станем, потому что ты подарила жизнь нашему спасителю.

– Мой сын жив? – встрепенулась Марина. – Где он, скажите, прошу вас!

Доктор хохотнул:

– Какая тебе разница? Но впредь ты будешь молчать. Потому что если ты начнешь снова болтать, то пострадает твой сын. Его убьют такие же идиоты, как ты! Идиоты, считающие, что наш хозяин сеет зло! А в действительности это не так, и его сыну уготовано блестящее будущее.

– Его сыну? – прошептала потрясенная Марина. – Но ведь это мой сын!

– Да, ты его выносила, – кивнул врач. – Но отцом его является именно наш хозяин. Впрочем, не буду утомлять тебя деталями. Запомни – благополучие твоего сына зависит исключительно от тебя! Так что смирись!

Врач вышел из бокса.

Марина лежала на полу, завернутая в смирительную рубашку, и в ужасе размышляла над тем, что ей стало известно. Значит, ее мальчик – сын... Она боялась не то что произнести, но и даже подумать. Ее сын был одновременно сыном... хозяина!

Из дневниковых записей княжны Елены Вечорской

«Черная библия была самой большой семейной тайной. О том, что она существует, я узнала еще ребенком.

В то время мы жили в небольшом провинциальном городке, расположенном на Волге. Мой отец обладал там поместьем – не очень большим, но и не маленьким. Несмотря на то что род наш был древним, он давно потерял былое величие и растратил почти все богатства. Однако я знала, что у нас имеется тайна.

Мой отец, князь Владимир Вечорский, слыл философом и отшельником. Матушки своей я не знала, потому как она скончалась, произведя меня на свет. Братьев или сестер у меня не было, и воспитывала меня дряхлая глуховатая гувернантка, мадемуазель Шанти, которая когда-то воспитывала моего отца и его братьев.

Те, в отличие от моего батюшки, проживали или в Петербурге, или в Москве, занимали ответственные и важные посты и обладали солидным состоянием. Время от времени – надо сказать, крайне редко – они наезжали к нам в поместье, и я имела возможность пообщаться со своими кузенами и кузинами. Я завидовала тому, с каким изяществом они были одеты, поражалась длинющим сверкающим автомобилям, на которых родственники прибывали с железнодорожной станции, и слышала, как отца за глаза они именовали «старым дурнем», а меня «замарашкой».

Моими лучшими друзьями были дети крестьян из окрестных деревень. Мы часто играли в прятки в нашем поместье. Дом, выстроенный еще в конце восемнадцатого века, давно нуждался в капитальной перестройке, но на ремонт не было денег. А батюшку подобные проблемы ничуть не волновали.

Зато это был рай для любопытного ребенка. Ведь в доме было столько волнующих мест, столько укромных уголков! Я знала все ходы и выходы как свои пять пальцев. Однако была в курсе, что имелась в нашем поместье особая комната, куда никто, в том числе и я, не имел доступа.

Я часто наблюдала за тем, как после скромной трапезы батюшка, освещая себе путь керосиновой лампой (на новомодное электричество у нас, естественно, не было средств), отправлялся по длинному извилистому коридору туда, в западное крыло, где находилась та самая комната.

В действительности, как я выяснила, став взрослее, там находились целые апартаменты, раньше принадлежавшие моей матушке, о которой я ничего не знала. Видела только несколько расплывчатых фотографий, а также портрет, писанный незадолго до ее венчания с батюшкой. Матушка была редкостной красавицей, в то время как я считала себя уродливой и крайне непривлекательной особой. И только потом я поняла, что, оказывается, очень похожа на нее.

В нашем поместье царили странные, установленные батюшкой и соблюдаемые всеми, кто в нем обитал, правила. Так, к примеру, никогда, даже летом, нельзя было играть на улице допоздна – требовалось всегда возвратиться в дом до наступления темноты. Один раз, помнится, я была так увлечена игрой с деревенскими друзьями, что забыла о времени. Вернулась, когда солнце уже село, и впервые испытала на себе гнев батюшки, а также его увесистую руку.

Он дал мне пару затрешин, а затем послал в мою комнату, где я провела три долгих недели, не имея права покидать ее. С тех пор я всегда выполняла наказания своего родителя.

Хоть мы и были бедны, о чем я узнала позднее, и погрязли в долгах, но едали мы на серебре. Вообще серебро было любимым металлом батюшки. Я носила тяжелый нательный крест, выполненный из серебра, на длинной серебряной же цепочке. В каждой из обитаемых комнат нашего дома имелось распятие, тоже сделанное из серебра. Более того, все ставни были украшены серебряными цепочками.

Кстати, окна положено было закрывать наглухо еще до наступления темноты, что было своеобразным ритуалом, и я, не осознавая его смысла, азартно помогала батюшке. Но как-то я посмела спросить родителя, для чего мы это делаем. Однако ответа не получила, и мне снова пришлось провести пару недель в своей комнате под домашним арестом.

Да, мой батюшка был человеком суровым, даже по отношению к собственной дочери. И только много позже я поняла, что единственным его стремлением было оберечь меня от опасности, что грозила всем нам, но в первую очередь именно моей персоне.

То, что в доме у нас всегда царил странная, тягостная атмосфера, я, конечно же, знала. Но не имела понятия, что за этим скрывается. Были и иные странные неписанные правила. Например, мне было строго-настрого запрещено разговаривать с чужими людьми. А если бы я увидела человека с красными глазами, то от меня требовалось бежать как можно быстрее прочь. Однако я никогда не видела человека с красными глазами и считала его выдумкой батюшки...»

«Подрастая, я постепенно уверилась в том, что отец мой страдает психическим заболеванием, однако не смела выразить свою мысль вслух. Но об этом судачили многие в нашем городке, и мне было очень и очень обидно. Много раз, прогуливаясь по городку, я слышала, как, глядя мне в спину, люди шушукались, и темой их сплетен был именно мой батюшка и его странное поведение...»

«Что касается черной библии... Иногда – весьма, надо сказать, редко – к батюшке наезжали посетители. Многих он просто не принимал, а на нескольких даже напал с арбалетом, заряженным стрелами с серебряным покрытием. Но пара человек наведывались к нам из года в год.

Одного из них я окрестила Паганелем, потому что он разительно походил на одноименного героя жюль-верновского романа. Сухопарый, с бакенбардами и вечно взлохмаченными волосами, в крошечных очках и смешном, неопрятном наряде, он был желанным гостем, однако появлялся у нас от силы два раза в год. Батюшка принимал его как старого знакомого, обнимал, лобызал, хлопал по спине. Паганель был профессором философии и по происхождению немцем, поэтому говорил по-русски с забавным акцентом.

Батюшка и его гость всегда вначале ужинали, причем ужин, в отличие от привычного, был праздничный и обильный. Поэтому я всегда с нетерпением ждала появления Паганеля, зная, что наконец-то можно будет поесть что-то вкусное, а не водянистый щавелевый суп и непроваренную овсянку. Кухарка от нас давно сбежала, и готовкой занималась все та же верная мадемуазель Шанти. А уж после ее кончины хозяйство вела я.

Закончив трапезу, батюшка и Паганель отправлялись в курительный салон, где дымили толстенными сигарами. Денег на них у батюшки не было, однако Паганель всегда привозил солидный запас сигар с собой – в качестве презента моему родителю.

Так как я знала весь наш дом как свои пять пальцев, то пользовалась и тремя тайными ходами, которые имелись в нем (сомневаюсь, что даже батюшка был в курсе об их наличии). Воспользовавшись одним из них, я могла подкрадываться к крошечной комнатке, которая граничила непосредственно с курительной, и, приложив ухо к замаскированной решетке, внимать разговорам батюшки и его гостя.

Разговоры их были чудные, полные странных, неведомых мне слов. Например, то и дело они вели речь о «версиплях». Причем произносили это слово на французский лад. Украдкой я задала мадемуазель вопрос, что оно значит, однако та вдруг начала дрожать и креститься, а затем взяла с меня честное слово, что я никогда больше не буду терзать ее «сатанинскими материями». Мадемуазель определенно что-то знала, но не хотела говорить. И это только распаляло мой интерес.

Хорошо, что она не рассказала о моих расспросах отцу, иначе бы мне здорово влетело. Ведь батюшка наверняка бы понял, что я подслушиваю его беседы с Паганелем.

Но я не сдавалась и провела немало времени в библиотеке. Уж на чем отец никогда не экономил, так это на книгах, поэтому библиотека у нас в поместье была богатая и большая. Думаю, батюшка мог бы с легкостью расплатиться с кредиторами, если бы продал несколько наиболее ценных экземпляров. Но делать это он ни за что не хотел...»

«Странно, но мой отец не был верующим – в церковь не ходил и местного священника, если тот время от времени изъявлял желание посетить нас, не принимал. Однако батюшка определенно во что-то верил, только вера, как я поняла со временем, у него была своя, странная и жуткая.

Зато в библиотеке имелось много книг по религии, как по христианской, так и многим другим, сейчас давно и прочно забытым. Были там и труды, речь в которых шла о неведомых, кровавых культах, о человеческих жертвоприношениях и власти темных сил.

Читать я всегда любила, но делала это тайком от батюшки – увлечение книгами он поощрял, но пришел бы в неопишемую ярость, если бы узнал, какие именно тома я читаю. Именно из одного из таких фолиантов я и почерпнула наконец сведения о тех самых загадочных версиплях.

Как выяснилось, они являются неким подобием получеловека-полудемона. А отличительная их черта – горящие кровавые глаза. Как писал древний автор, этот огонь – отсвет адского пламени, горевшего в их душе. Душе, которую они давно вверили своему хозяину – полиморфу, то есть многоликому повелителю ада.

Полученные сведения меня чрезвычайно занимали, но я не могла бы сказать, отчего именно. Было в сей чертовщине что-то такое, притягательное и чарующее. И только много позже я узнала, что все это совсем даже неспроста...»

«Во время одной из бесед батюшки с Паганелем, коей я внимала, находясь в тайной комнатке рядом, была упомянута черная библия. О ней, книге, которой поклонялись почитатели сатаны, я уже ранее читала. Однако это была не просто книга, а некое подобие колодца в жуткий мир.

– Они снова атаковали меня более чем щедрыми предложениями, – сообщил тогда Паганель, обращаясь к батюшке. – Потому что хотят знать, где находится черная библия. И, сдастся мне, Володя, они знают, что ты являешься ее Хранителем.

Батюшка откликнулся после короткой паузы, пустив в потолок клубы сизого дыма:

– Да, кое-кто наведывался и ко мне. Однако тогда они не имели представления о том, что черная библия находится у меня. Просто, как и в твоём случае, хотели приобрести информацию. Но я прогнал их со двора.

Паганель осторожно произнес:

– Володя, все становится крайне опасным. Ведь если они разнюхают, что черная библия хранится у тебя, то возжелают забрать ее. А эти люди ни перед чем не остановятся!

– Они не люди, а версипли, – заявил мой отец назидательно. – И если кто-то из них снова заявит сюда, то у меня на всех хватит серебра!

Паганель кашлянул.

– Но не лучше ли передать черную библию нашему братству? У нас имеется надежный тайник...

Отец тотчас перебил его, поднявшись из кресла и начав ходить по комнате:

– Нет, тысяча раз нет! Именно мой род является Хранителем черной библии! Именно нам поручено нести эту ответственность!

– Не забывай, что у тебя нет наследника, одна только дочка, к тому же еще ребенок, – вкрадчиво заметил Паганель. – А если с тобой что-то случится? А если с ней что-то случится? Что станет тогда с черной библией?

– С Еленой ничего не случится! – уверенно заявил батюшка. – И если ты прибыл для того, чтобы убедить меня отдать вам черную библию, то ты потерпел поражение. Этому не бывать!

– Однако не надо упускать из виду, кто является ее матерью, – вставил вдруг Паганель.

Я наострила уши. Последние слова гостя произвели на батюшку неизгладимое впечатление. Побледнев, он подскочил к визитеру, схватил его за грудки и вскричал:

– Не смей марать ее имя! Да, я знаю, кем была моя покойная жена, но это к делу не относится!

– Отпусти, мне больно, – поморщился Паганель. – Конечно же, это имеет отношение к делу, да еще какое! Потому что твоя дочка – наполовину версипль.

От неожиданности я, стоявшая на небольшой приставной лестнице, дабы иметь возможность не только слышать, но и видеть происходящее в комнате сквозь решетку вентиляции, скатилась вниз. Наверняка и батюшка, и его гость услышали грохот за стеной, потому что, когда я снова забралась на лестницу, в курительном салоне их уже не было.

Обычно Паганель оставался у нас на день или даже на два, но тогда уехал поздно вечером. И батюшка даже не пробовал удержать его. Расстались они крайне холодно. А после этого мой родитель прошел в свою лабораторию и заперся там...»

«Много раз пыталась заглянуть в лабораторию батюшки, но он никогда, даже в самую сильную июльскую жару, не раскрывал ставни – окон в том крыле осталось всего три, все остальные были заложены кирпичом. Но время от времени отец все же проветривал помещения, потому что в них никогда не убирались и наверняка там скопилось огромное количество пыли.

Так вот в тот день батюшка забыл закрыть ставни – наверное, был расстроен ссорой со своим старинным другом. И мне удалось пробраться в запретное крыло нашего дома.

Я ожидала увидеть нечто необыкновенное, однако обстановка была такая же, как и в доступной части особняка. Разве что пыли, как я предполагала, было многовато. Едва я влезла через окно, до меня донеслись шаркающие шаги отца. Пришлось быстро спрятаться за портьеру.

Дрожа от страха, я слышала, как батюшка подошел к окну и закрыл ставни. Мне сделалось страшно – я ведь оказалась в плену! Мне не хотелось и думать о том, какую кару измыслит для меня суровый родитель, если узнает, что я шпионю за ним.

Делать, однако, было нечего. Поэтому, дождавшись, когда батюшка удалится из комнаты, я выбралась из-за портьеры – и вдруг почувствовала непреодолимое желание чихнуть. Я изо всех сил противилась этому желанию, и наконец приступ прошел.

Осторожно выйдя из комнаты в коридор, я заметила в конце его бледный свет керосиновой лампы и двинулась в том направлении. Но вдруг, к своему ужасу, громко чихнула.

Раздались шаги отца, я нырнула за колонну, на которой возвышался мраморный бюст одного из моих славных предков. Батюшка прошелся по коридору, но меня не заметил. Бормоча что-то о проворных крысах, он вернулся в свой кабинет.

Выждав несколько минут и удостоверившись, что больше в носу не свербит, я снова двинулась вперед. Половицы ужасно скрипели, но отец не обращал на это внимания – странные звуки, особенно по ночам, были в нашем особняке привычным явлением.

Наконец я достигла двери кабинета и увидела, что он представляет собой весьма просторное двухэтажное круглое помещение. Разглядела и лестницу, что вела наверх, и осторожно под-

нялась по ней. Стоя там, прижавшись к перилам, я могла наблюдать за происходящим внизу, не боясь, что батюшка случайно заметит меня. Он же был увлечен своими действиями и не обращал внимания более ни на что. Отец подошел к огромному, похожему на паровой котел сейфу, который был вмонтирован в стену. Затем снял с пояса связку ключей (с ней он никогда не расставался, даже когда спать ложился) и раскрыл сейф. Я приготовилась увидеть несметные сокровища, коими обладал наш род, но меня ждало разочарование: ничего подобного там и в помине не оказалось. Внутри находилась книга, всего лишь книга, правда, больших размеров и, судя по всему, старинная.

И вдруг я поняла – это и есть та самая черная библия! Но обложка книги была не черная, а, скорее, сероватая. Вне всяких сомнений, кожаная.

Тем временем батюшка положил книгу на письменный стол – и до меня донесся странный звук. Звук отрыжки! Причем я не сомневалась, что исходил он именно от книги!

Переplet был покрыт странными полосками, которые, как я, к своему ужасу, заметила в танцующем отсвете керосиновой лампы, вдруг стали шевелиться. И тут же мне стало ясно, что я вижу... прикрытые веки. А они вдруг распахнулись, и на моего батюшку уставились десятки, если не сотни крошечных глаз!

Я не могла поверить в то, чему стала свидетельницей. Или все происходящее – кошмарный сон? Игра моего воображения?

Тем временем мой родитель извлек из-под стола клетку, в которой металась и попискивали мыши и молодые крысы. Потом отстегнул застежку книги и раскрыл ее.

Но страницы книги, сделанные из желтоватого пергамента, были пусты. Тогда батюшка раскрыл книгу посередине и занес над ней руку. А затем взял со стола нож для вскрытия писем и осторожно дотронулся кончиком лезвия до своего пальца.

Выступила кровь – одна-единственная капля. Она упала на желтые страницы книги, и те вдруг стали чернеть. Прошло всего несколько секунд, как страницы полностью изменили цвет. И снова раздался звук отрыжки, причем намного более отчетливый, словно усиленный многократным эхом, как будто шел из глубокого колодца. И создавалось впечатление, что жерлом сего колодца являются именно страницы книги.

А батюшка извлек из клетки мышью, держа за хвостик, поднес ее к книге. Несчастное животное отчаянно пищало и пыталось освободиться. Но батюшка вдруг разжал пальцы – и мышью полетела вниз. Но не ударилась о страницы книги и не убежала прочь. Она просто исчезла в книге, как будто провалилась куда-то вглубь.

Из книги еще некоторое время доносился мышинный писк, а потом послышалось чавканье. И я поняла: нечто, сидевшее в книге, вернее, в колодце, входом в который служил таинственный фолиант, сожрало несчастного грызуна!

Отец скормил книге еще одну мышью и молодую крысу. После чего до моих ушей донеслось странное шуршание – как будто по каменному полу ползла очень и очень большая змея. Тогда батюшка проворно захлопнул книгу и застегнул застежку. Но в тот же момент обложка книги вдруг изогнулась, словно нечто изнутри рвалось наружу. Отец, схватив со стола массивное серебряное распятие, быстро положил его на книгу, и та немедленно успокоилась.

– Вот так-то! – воскликнул батюшка, потирая руки. – Я знаю, что нельзя заставлять тебя голодать, потому что у тебя начинает портиться характер. Однако твой рацион – мыши и крысы. Человеческих жертв больше не будет, запомни!

Затем он положил книгу обратно в сейф, закрыл его и вышел из кабинета.

Я долго сидела наверху, прижавшись к перилам и дрожа от страха. Потому что убедилась в том, что мой отец поклоняется черным силам.

Только через час, если не больше, я, набравшись мужества, спустилась вниз. И подошла к сейфу. Из него доносились мерзкие звуки – их издавала книга! Вернее, то, что в ней обитало.

Вдруг в моей голове возник странный бесплотный голосок, приказавший дотронуться до ручки сейфа. Что я и сделала. Тут мое тело пронзила сладостная боль, и я поняла, что надо делать. Я должна освободить книгу! Потому что мой батюшка удерживает ее силой! Именно он – злодей, а книга создана для того, чтобы приносить пользу человечеству!

Мысли щелкали и возникали в моей голове, как будто кто-то извне их туда запихивал. Я вышла из кабинета и двинулась по коридору к спальне батюшки.

Наконец увидела отца, лежащего на боку. Рядом, на столике, догорала керосиновая лампа, а из-под грязноватой подушки высовывалась связка ключей. Я осторожно потянула ее на себя... и тут отец вдруг повернулся.

Я быстро нырнула под кровать, ожидая, что он кинется на меня. Но батюшка крепко спал. Повинуясь голосу, звучавшему у меня в голове, я снова привстала и извлекла ключи. А затем затрусилась обратно в кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.